Энн Райс

ИСТОРИЯ ПОХИТИТЕЛЯ ТЕЛ

Тонкое словесное кружево, наполненное чувственностью и музыкой, воистину чарующая история...

The New York Times Book Review

Вампирские хроники

Энн Райс

История Похитителя Тел

«Азбука-Аттикус»
1992

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Райс Э.

История Похитителя Тел / Э. Райс — «Азбука-Аттикус», 1992 — (Вампирские хроники)

ISBN 978-5-389-21372-2

Как мучительно одиночество! Мир неожиданно предстает совершенно иным, и даже в душу бесстрашного и неотразимого Принца Тьмы, вампира Лестата, закрадываются сомнения. Он начинает ненавидеть себя, свою бессмертную сущность, его выматывают ночные кошмары, земная карьера звезды рок-музыки заброшена окончательно, в этой жизни ему уже ничего больше не нужно. И тут на его пути появляется загадочный Похититель Тел и предлагает вампиру на время обменяться телами… Первый роман писательницы «Интервью с вампиром», положивший начало циклу «Вампирских хроник», в который входит и «История Похитителя Тел», стал настоящим событием в мире литературы. Общий его тираж превысил рекордные 15 миллионов экземпляров, это едва ли не самая продаваемая из книг современных авторов в истории книжной торговли.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21372-2

© Райс Э., 1992
© Азбука-Аттикус, 1992

Содержание

Часть 1. История Похитителя Тел 10
Глава 1 10
Глава 2 24
Глава 3 36
Глава 4 40
Глава 5 44
Глава 6 62
Глава 7 73
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Энн Райс
История Похитителя Тел

Anne Rice
The Tale of the Body Thief

© 1992 by Anne O'Brien Rice and the Stanley Travis Rice, Jr. Testamentary Trust
© Е. Ю. Ильина, перевод, 2002
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

* * *

Моим родителям, Говарду и Кэтрин О'Брайен. Ваша смелость и ваши мечты останутся со мной навсегда.

Вновь с вами Вампир Лестат. Я расскажу вам о том, что со мной произошло.

Все началось в Майами в 1990 году. С этого времени начну свое повествование и я. Но прежде необходимо упомянуть о снах, которые приходили ко мне чуть раньше, ибо им отведена немалая роль в моем рассказе. Это сны о маленькой девочке-вампире с умом зрелой женщины и лицом ангела и о моем смертном друге Дэвиде Тальботе.

Снилось мне и смертное детство во Франции – зимние снега, холодный полуразрушенный отцовский замок в Оверни, тот день, когда я отправился охотиться на волков, нападавших на нашу бедную деревню.

Сны могут быть так же реальны, как и жизнь, хотя, возможно, мне лишь впоследствии так казалось.

Когда начались эти сны, я пребывал в мрачном настроении: вампир-скиталец, бродяжничающий по всему свету, иногда покрытый таким слоем пыли, что никто не обращал на меня ни малейшего внимания. И что проку в том, что мои прекрасные светлые волосы оставались по-прежнему густыми, глаза – пронзительно синими, а улыбка – неотразимой, в том, что я великолепно одевался, а хорошо сложенное тело шести футов ростом, невзирая на двухвековой возраст, все еще выглядело двадцатилетним. Как истинное дитя восемнадцатого века – а именно в этом столетии я жил до Рождения во Тьму, – я всегда сохранял трезвость рассудка.

Но восьмидесятые годы двадцатого столетия близились к концу, и я был уже мало похож на того лихого отпрыска старого вампира, который хранил верность классическому черному плащу и брюссельским кружевам, на джентльмена в белых перчатках и с тростью, танцующего в свете газовой лампы.

Пережив немало страданий и испытав мгновения триумфа, а также благодаря немалому количеству крови древнейших вампиров, я превратился в своеобразного Темного бога. Обретенная сила смущала меня и даже пугала, а иногда мои невероятные возможности почему-то вызывали в душе печаль.

Например, я мог усилием воли подняться высоко в воздух и вместе с ветром совершать дальние путешествия так же легко, как дух. Усилием разума я мог двигать и уничтожать предметы. Достаточно было одного моего желания, чтобы в любой момент вспыхнул огонь. Сверхъестественный голос позволял мне обращаться к бессмертным из других стран и даже с иных континентов. Мне не составляло труда читать мысли вампиров и людей.

Вам кажется, что это совсем даже неплохо? Мне же было противно. Без сомнения, я оплакивал свои прежние ипостаси – смертного юношу, новорожденного призрака, намеренного стать как можно более плохим, коль скоро таково его предначертание.

Поймите, я не прагматик. У меня чуткая и беспощадная совесть. Я мог бы стать хорошим парнем. Может быть, иногда я такой и есть. Но я всегда оставался человеком действия. Скорбь – равно как и страх – пустая трата времени. И как только я завершу свое вступление, в книге начнется именно действие.

Помните, что начинать книгу всегда очень сложно, большинство вступлений отмечено налетом искусственности. То были самые счастливые времена и самые тяжелые – да ну? И когда же? Кстати, и все счастливые семьи не похожи одна на другую – даже Толстой, должно быть, это осознавал. Мне не удастся отделаться чем-нибудь вроде: «В начале…» или «В полдень я упал с телеги с сеном…» – иначе я бы так и написал. Поверьте, если есть хоть малейшая возможность, я всегда выхожу сухим из воды. Как сказал Набоков устами Гумберта Гумберта, «можете всегда положиться на убийцу в отношении затейливости прозы». Может быть, «затейливая» в данном случае означает «экспериментальная»? О том, что мой стиль чувствен, цветист и сочен, я, конечно же, знаю – достаточно критиков сообщили мне об этом.

Увы, но я привык все делать по-своему. И обещаю вам, что мы доберемся до начала, если, конечно, в этих словах нет противоречия.

Прежде всего я должен признаться, что до того, как произошли описываемые ниже события, я горевал о других бессмертных, которых знал и любил и которые давным-давно покинули наше последнее общее пристанище конца двадцатого века. Безрассудно думать, что мы собирались создать новую общину. Все они один за другим исчезли во времени и пространстве – такова была неизбежность.

Вампиры не питают особенной любви к себе подобным, хотя и отчаянно нуждаются в бессмертных спутниках.

Именно из такой необходимости я создал своих отпрысков – Луи де Пон-дю-Лака, который в девятнадцатом веке стал моим терпеливым и зачастую любящим товарищем, а с его нечаянной помощью – прекрасную, но обреченную Клодию, вампира-дитя. И теперь, в конце двадцатого века, Луи остается единственным бессмертным, с которым я часто встречаюсь после своих одиноких ночных странствий. Он самый человечный из всех нас, наименее похожий на бога.

Его скромное убежище на заброшенной окраине Нового Орлеана я никогда не оставлял надолго. Вы сами сможете в этом убедиться, когда придет время. Луи также участник этой истории.

Но о других бессмертных здесь говорится очень мало. Практически ничего.

За исключением Клодии, которая снилась мне все чаще и чаще. Позвольте мне объяснить: Клодию уничтожили более ста лет назад, но я постоянно ощущал ее присутствие, как если бы она всегда находилась рядом.

В 1794 году я превратил умирающую сиротку в маленького пухленького вампира, и через шестьдесят лет она восстала против меня: «Я положу тебя в гроб, отец. Но ты уже никогда не встанешь».

Я тогда действительно спал в гробу. И все происходило в духе того времени: жуткая попытка убийства, приманка в виде отравленных смертных жертв, чтобы замутить мой рассудок, ножи, врезающиеся в мою белую плоть, и окончательное избавление от кажущегося безжизненным тела в зловонном болоте за пределами тускло освещенного Нового Орлеана.

Ничего не получилось. Существует очень мало верных способов разделаться с бессмертным: солнце, огонь… Необходимо стремиться к полному уничтожению. И в конце концов, ведь речь здесь идет о Вампире Лестате.

Клодия поплатилась за свое преступление: она была казнена злодеями из общины вампиров, прекрасно устроившихся в самом сердце Парижа, в печально известном Театре вампиров. Превратив в кровопийцу столь юное дитя, я нарушил законы, и уже по одной только этой причине парижские монстры стремились ее уничтожить. К тому же и она в свою очередь нарушила их закон, подняв руку на своего создателя, – ее проступок, если можно так выразиться, послужил логическим обоснованием приговора: Клодию оставили на солнце, безжалостные лучи которого превратили ее в пепел.

На мой взгляд, это чертовски неудобный способ казни, потому что палачи вынуждены спешно вернуться к своим гробам и даже не имеют возможности стать свидетелями того, как солнце исполняет их жестокую волю. Но они поступили именно так с изысканным, нежным существом, которое я создал из грязной, оборванной беспризорницы, найденной в лачуге испанской колонии Нового Света, наполнив ее вампирской кровью, чтобы сделать своим другом, ученицей, возлюбленной, музой и товарищем по охоте. И к тому же еще своей дочерью.

Если вы читали «Интервью с вампиром», то вам известны все подробности. Это история нашей совместной жизни в интерпретации Луи. Он повествует о своей любви к нашему общему ребенку и о мести тем, кто ее уничтожил.

Если же вы прочли и мои автобиографические книги, «Вампир Лестат» и «Царица Проклятых», то вы и обо мне все знаете. Вы узнали нашу историю, если она чего-то стоит – а любая история стоит не слишком много, – узнали о том, как мы появились тысячи лет назад, как мы размножаемся, аккуратно передавая Темную Кровь тем смертным, которых считаем достойными сопровождать нас на Пути Дьявола.

Но чтобы понять то, о чем пойдет речь в этом повествовании, вам нет необходимости читать предыдущие книги. Здесь вы не встретите и многочисленных персонажей «Царицы Проклятых». Ни на секунду западная цивилизация не окажется на краю пропасти. Никаких разоблачений из далекого прошлого, никаких древнейших, приоткрывающих свои тайны лишь наполовину, говорящих исключительно загадками и обещающих ответы, которых нет и никогда не существовало.

Нет, все это осталось в прошлом.

Это книга о нашем времени. Она, безусловно, является одной из частей «Вампирских хроник», и об этом забывать не следует. Но это первый по-настоящему современный роман, поскольку ужасающая абсурдность существования с самого начала принимается здесь как должное и исследованию подвергаются разум и душа героя – кто он, как вы думаете? – и те открытия и выводы, которые ему предстоит сделать.

Читайте эту повесть, и на ее страницах я поведаю вам обо всем, что вам необходимо знать о нас. Кстати, разного рода событий и приключений здесь будет немало! Я, как уже сказано, человек действия – вампирский Джеймс Бонд, если вам угодно, которого все без исключения остальные бессмертные называют не иначе как «принц-паршивец», «истинно дьявольское создание» и «ты, чудовище».

Другие бессмертные, конечно, живы до сих пор – Маарет и Мекаре, древнейшие из нашего рода, Хайман из Первого Поколения, Эрик, Сантино, Пандора и другие, которых мы называем Детьми Тысячелетий. Где-то бродит Арман, очаровательный пятисотлетний юноша, который когда-то возглавлял Театр вампиров, а до этого – сообщество вампиров-дьяволопоклонников, поселившихся в недрах кладбища Невинных мучеников. Надеюсь, Арман всегда будет неподалеку.

И Габриэль, моя смертная мать и бессмертное дитя, не пройдет и тысячи лет, непременно появится как-нибудь темной ночью – если повезет.

Что касается Мариуса, моего старого учителя и наставника, хранителя истории и тайн нашего племени, он до сих пор здесь и никогда не исчезнет. Время от времени он приходил ко мне то с просьбами, то с укорами, но суть и тех и других всегда оставалась одной и той же:

неужели я никогда не прекращу свои неосторожные убийства, которые неизменно попадают на страницы газет? неужели я не перестану с упорством дьявола осаждать своего смертного друга Дэвида Тальбота, искушая его Темным Даром? разве я не знаю, что бессмертных в мире уже вполне достаточно?

Законы, законы, законы… В результате все сводится к законам. А я люблю преступать любые законы, так же как смертные любят разбить бокал о каминную доску, произнеся тост.

А теперь позвольте подробнее рассказать о снах, беспокоивших меня в моих странствиях.

Призрак Клодии преследовал меня постоянно. Каждый раз, закрывая глаза на рассвете, я видел ее лицо, слышал ее тихий, но настойчивый шепот. Иногда я ускользал в воспоминания: маленькая колониальная больница, ряды кроваток, на одной из которых умирает девочка-сирота.

А вот и печальный, чувствующий себя совершенно беспомощным старый доктор с брюшком, поднимающий тело ребенка. И откуда-то доносится плач. Кто же плачет? Клодия не плакала. Она спала, когда доктор передал ее мне, приняв за смертного отца этого несчастного ребенка. Во сне она такая хорошенькая. Была ли она действительно такой хорошенькой тогда? Конечно.

«Вы вырвали меня из смертных рук, как два чудовища из страшной сказки, – вы, бесполезные и ничего не понимающие родители!»

Дэвид Тальбот приснился мне только однажды.

Во сне он молод и пробирается через лес мангровых деревьев. Это не мой семидесятичетырехлетний друг, терпеливый смертный ученый, который регулярно отвергает мое предложение принять Темный Дар, но в знак доверия и привязанности, не дрогнув, касается моей холодной плоти теплой хрупкой рукой.

Нет. Это молодой Дэвид Тальбот, каким он был многие годы назад, когда сердце не билось в его груди столь быстро. Но он в опасности.

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах[1].

Чей голос шепчет эти слова – мой или его?

И вот он возникает из пятнистого полумрака – рыжие и черные полосы, словно свет и тень, он почти неразличим. Я вижу его огромную голову и удивительно мягкую морду, белую, с длинными тонкими усами. Но эти желтые глаза… узенькие щелочки, исполненные страшной, бессмысленной жестокости. Дэвид, а его клыки! Неужели ты их не видишь?

Но он с детским любопытством наблюдает, как большой розовый язык касается его горла, тонкой золотой цепи, охватывающей шею. Он что, пожирает цепь? Господи, Дэвид! Клыки!

Почему слова застревают у меня в груди? Неужели и я оказался в мангровом лесу? Я пытаюсь пошевелиться, и все тело мое сотрясается от бесплодных усилий, сомкнутые губы пропускают лишь глухие стоны, и каждый из них дается мне с величайшим трудом. Дэвид, осторожно!

А потом я вижу, как он опускается на одно колено и вскидывает к плечу длинное сверкающее ружье. Гигантская кошка близко, она устремляется к нему, но выстрел заставляет ее остановиться, а после второго она падает как подкошенная… желтые глаза горят яростью, лапы скребут мягкую землю, и зверь испускает последний вздох.

Я просыпаюсь.

[1] Из стихотворения В. Блейка «Тигр» *(перевод К. Бальмонта).*

Что означает этот сон? Мой смертный друг в опасности? Или кончился завод – его генетические часы готовы вот-вот остановиться? В семьдесят четыре года смерть может наступить в любой момент.

Стоит мне вспомнить Дэвида, и тут же возникает мысль о смерти.

Дэвид, где ты?

«Один, два, три, четыре, пять, англичанина чую опять».

«Вы хотите получить Темный Дар? – спросил я при нашей первой встрече. – Я не говорю, что когда-нибудь вы от меня его получите. Скорее всего, нет. Но вы хотите? Если бы я согласился, вы бы его приняли».

Мне так хотелось, чтобы он попросил. Он не сделал этого, и никогда не сделает. И теперь я его любил. Я встретился с ним вскоре после того, как мне приснился сон, – мне это было необходимо. Но сон я забыть не мог, и, возможно, он еще не раз приходил ко мне в часы глубочайшего дневного забытья, когда под покровом тьмы я был холоден, беспомощен и недвижим, как камень.

Ну что ж, теперь вам известно о моих снах.

А теперь вновь представьте себе Францию зимой, снежные сугробы вокруг крепостных стен, освещенного горящим в очаге огнем смертного молодого человека, который вместе со своими охотничьими собаками спит на соломе. Эта картина гораздо точнее символизирует мою смертную жизнь, чем любое воспоминание о парижском театре, где незадолго до революции я был счастливым юным актером.

Вот теперь можно начинать. Если вы не против, давайте перевернем страницу.

Часть 1. История Похитителя Тел

Путешествие в Византию

Тут старых нет. Здесь молодость живет
В объятиях друг друга. Птичья трель —
Песнь поколений, их в века исход.
В протоках лосось и в морях макрель —
Все славит лето: рыба, птица, скот,
Зачатье, зарожденье, колыбель, —
Всяк в любострастном гимне пренебрег
Всем, что бессмертный интеллект сберег.

Как ветошь, пережившая свой срок,
Стареющий ничтожен. Свой же он,
Душой рукоплеща, – свой каждый клок
Уступит песне смертный балахон.
Но нет уроков пенья – есть урок
Наследия блистательных времен.
А посему моря я переплыл
И в Византию вещую вступил.

Покинь, мудрец, божественный огонь,
Как на златой мозаике стены,
Покинь святой огонь и струны тронь,
Душой моею сладив дрожь струны,
В стареющем животном урезонь
Боль сердца, в коем страсти вмещены.
Оно тебя не знает. Посему
Мне вечность подари – но не ему.

Природой созданный – я не искал
Себя в ее подобьях воплотить, —
Пусть эллин бы искусный отковал,
Из мысли в золото с эмалью слить,
Дабы сонливый государь не спал,
И с ветки золотой напевы длить
Для византийских барынь и господ
О том, что было, есть и что грядет.

У. Б. Йейтс. Перевод А. Эппеля

Глава 1

Майами – город вампиров. Саут-Бич на закате, согретый ласкающим теплом совсем не зимней зимы, чистый, цветущий, утопающий в электрическом свете; умиротворенное море овевает нежным бризом темную береговую полосу кремового песка и остужает гладкие широкие мостовые, заполненные счастливыми смертными.

На фоне транспортного шума и гула людских голосов важно шествуют современные юнцы, с трогательной вульгарностью поигрывающие натренированными мускулами, и молоденькие женщины, исполненные гордости за свои гладкие бесполые модные бедра.

Старые гостиницы с оштукатуренными стенами, когда-то второсортные прибежища престарелых, теперь обрели новую жизнь, окрасились в модные пастельные цвета и сияют элегантными неоновыми вывесками. В ресторанах под открытым небом на столах с белыми скатертями мерцают свечи. По бульварам медленно ползут большие сверкающие американские машины, в то время как их водители и пассажиры любуются ослепительным людским потоком; иногда пешеходы полностью заполняют проезжую часть, не позволяя автомобилям двигаться дальше.

На далеком горизонте огромные белые облака под безграничным звездным небом похожи на вздымающиеся горы. При виде лениво, но неустанно изменяющегося южного неба, залитого лазурным светом, у меня всегда перехватывает дух.

На севере во всей своей красе возвышаются башни нового Майами-Бич. На юге и на западе – ослепительные стальные небоскребы центральных районов, ревущие шоссе и кипящие жизнью причалы для круизных теплоходов. Искрящиеся воды великого множества городских каналов рассекают маленькие катера.

В тихих, безупречно ухоженных садах Корал-Гейблз бесчисленные фонари озаряют ярким светом красивые просторные виллы, крытые красной черепицей, мерцающие и переливающиеся бирюзой бассейны. В величественных темных комнатах «Билтмора» бродят призраки. Массивные мангровые деревья раскидывают свои ветви над широкими чистыми улицами.

В Коконат-Гроув покупатели со всего мира наводняют шикарные отели и модные магазины. В вышине на балконах стеклянных кондоминиумов обнимаются парочки, они любуются красотой ночи, и их силуэты четко вырисовываются над спокойными водами залива. По шумным дорогам мимо танцующих пальм и нежных тропических деревьев, мимо приземистых бетонных особняков за узорчатыми железными воротами в обрамлении красных и фиолетовых бугенвиллей мчатся автомобили.

Все это Майами – город воды, скорости, тропических цветов, необъятных небес. Именно ради Майами я чаще всего покидаю свой дом в Новом Орлеане. В огромных плотнонаселенных районах Майами живут люди разных национальностей и разных цветов кожи. Здесь можно услышать идиш, иврит, языки Испании, Гаити, диалекты и наречия всей Латинской Америки. Однако за сверкающим фасадом Майами, за ровным биением сердца большого города скрываются угроза и отчаяние, пульсирует алчность, постоянно присутствует риск – он напоминает неслышно, но эффективно работающую молотилку.

В Майами никогда не бывает по-настоящему темно. Никогда не бывает по-настоящему тихо.

Для вампира это идеальный город: он всегда предоставляет мне смертного убийцу – зловещий образчик извращенной совести, который дарит мне дюжину собственных убийств, пока я опустошаю его вены и банк его памяти.

Но сегодня идет Большая Охота, внеочередная пасхальная трапеза после Великого поста – я надеюсь заполучить великолепный человеческий трофей, описание ужасного modus operandi которого занимает множество страниц в компьютерных файлах смертных блюстителей закона, безымянное существо, кого восхищенная пресса окрестила «Душителем с задворок».

Я вожделею таких убийц!

Как мне повезло, что подобная знаменитость всплыла на поверхность в моем любимом городе. Какое счастье, что он уже нанес шесть ударов на этих самых улицах – убийца стариков и калек, которые в огромных количествах съезжаются сюда, чтобы провести остаток дней в

теплом климате. Ах, я бы пересек континент, чтобы перехватить его, а он ждет меня здесь. К его мрачной истории, во всех подробностях описанной по меньшей мере двадцатью криминологами – я без труда похитил ее через компьютер в своем новоорлеанском убежище, – я втайне добавил самые главные элементы: его имя и смертный адрес. Для Темного бога, способного читать мысли, это не составило труда. Я нашел его по пропитанным кровью снам. И сегодня я получу удовольствие, без проблеска угрызений совести окончив его блистательную карьеру в своих темных жестоких объятиях.

О Майами! Идеальное место для маленькой игры страстей.

Я всегда возвращаюсь в Майами, как возвращаюсь в Новый Орлеан. Сейчас я единственный из бессмертных, кто охотится в этом славном уголке Сада Зла, ибо, как вы уже поняли, местный дом общины давно опустел – ни я, ни остальные не в силах были и далее оставаться вместе.

Неизмеримо лучше получить Майами в полное свое распоряжение!

Стоя у окна в номере, который снимал в модном отельчике под названием «Сентрал-Парк» на Оушн-драйв, я время от времени пускал в ход свои сверхъестественные способности и прислушивался к тому, что происходило в соседних комнатах, где богатые туристы наслаждались уединением по высшему разряду – полным покоем всего в нескольких шагах от оживленной улицы, в данный момент заменявшей мне Елисейские Поля или виа Венето.

Мой Душитель был уже почти готов оставить царство судорожных и обрывочных видений и выйти в мир реальных смертей. Мужчине моей мечты пора одеваться.

Покопавшись в только что открытых картонных коробках, чемоданах и ящиках, где, по обыкновению, царил полнейший беспорядок, я выбрал серый бархатный костюм – такие костюмы всегда нравились мне больше других, особенно если ткань достаточно плотная и не слишком блестит. Не самый, надо признаться, подходящий наряд для летней ночи, но ведь я не ощущаю жару или холод так, как смертные. А пиджак был тонкий, с небольшими отворотами, точно подогнанный по фигуре и приталенный; он походил на костюм для верховой езды, а если быть еще точнее – на изящный сюртук прежних времен. Мы, бессмертные, всегда предпочитаем несколько старомодную одежду, напоминающую нам о том веке, когда мы Родились во Тьму. Иногда истинный возраст бессмертного можно определить просто по покрою платья.

Для меня важное значение имеет и ткань. Восемнадцатый век был таким сияющим! Я не могу обойтись хотя бы без легкого отлива. А этот красивый костюм с узкими бархатными брюками словно для меня создан. Что же до белой рубашки, то шелк на редкость мягкий и тонкий – если ее свернуть, она уместится в ладони. Но разве моей столь неуязвимой и в то же время удивительно чувствительной кожи достойно касаться что-либо иное? Теперь о ботинках. Они ничем не отличаются от всей остальной дорогой обуви, которую я ношу в последнее время. У них безупречные подошвы, так как им редко приходится ступать по матери-земле.

Слегка тряхнув волосами, я убедился, что они, как обычно, легли густыми сверкающими светлыми волнами до плеч. Каким меня видят смертные? Если честно, не знаю. Свои голубые глаза я, по обыкновению, прикрыл темными очками, иначе их сияние может случайно загипнотизировать кого-нибудь – это всегда очень досаждает, – а на изящные белые руки с предательски стеклообразными ногтями натянул ставшие уже привычными мягкие перчатки из серой кожи.

Еще один небольшой камуфляж: коричневатого тона крем – его я нанес на лицо, шею и на открытые участки груди.

Я обернулся к зеркалу и внимательно изучил полученный результат. По-прежнему неотразим! Ничего удивительного, что в ходе моей краткой карьеры рок-музыканта я произвел поистине фурор. Впрочем, с тех пор как я стал вампиром, бурный успех сопутствовал мне всегда. Благодарение Богу, в своих поднебесных странствиях я не стал невидимым. При вос-

поминании о том, как я скитался над облаками, легкий, как частичка пепла на ветру, мне захотелось плакать.

Большая Охота неизменно возвращала меня к действительности: выследить, дождаться и поймать его в тот момент, когда он будет готов лишить жизни свою очередную жертву, и тогда убить – медленно, мучительно, выпивая всю его злодейскую сущность и в грязном объективе души злодея воочию видя все его прежние жертвы.

Пожалуйста, поймите, в этом нет никакого благородства. Я не считаю, что вызволение одного бедного смертного из лап подобного дьявола способно хотя бы теоретически спасти мою душу – слишком уж часто я отнимал у людей жизни. Если, конечно, не верить в безграничную силу одного доброго дела. Не знаю, верю я в это или нет. Я верю вот во что: грех одного убийства бесконечен, а мой грех вечен, как и моя красота. Простить меня нельзя, ибо простить меня некому.

Тем не менее мне нравится спасать этих несчастных от уготованной им судьбы. И мне нравится призывать к себе убийц, потому что они – мои братья и место их рядом со мной; так почему бы им не умереть в моих объятиях вместо бедного милосердного смертного, который никогда по своей воле не причинил никому зла? Таковы правила моей игры, которые я строго соблюдаю, потому что сам их придумал. И я пообещал себе, что больше не стану оставлять у всех на виду тела, что приложу все усилия, чтобы выполнить требования остальных. Но все же… Мне нравилось оставлять опустошенную оболочку для официальных властей. Это было так здорово – вернуться в Новый Орлеан, включить компьютер и от начала до конца прочесть отчет об очередной смерти.

Неожиданно мое внимание привлекли звуки, доносившиеся из проезжавшей внизу полицейской машины: разговор шел о моем убийце, о том, что луна и звезды расположены соответствующим образом и вскоре он нанесет новый удар. Наиболее вероятно, что, как и прежде, это произойдет на одной из глухих улочек Саут-Бич. Но кто он? Как его остановить?

Семь часов. Ровно столько показывали крошечные зеленые цифры на моих электронных часах, хотя я и без них, естественно, это знал. Я закрыл глаза, чуть-чуть склонил голову набок, собираясь с силами, чтобы в полной мере воспользоваться той способностью, которую ненавидел больше всего. Сначала обострился слух, как будто я нажал на современный выключатель. Тихое мурлыканье окружающего мира превратилось в адский хор – резкий смех, жалобы, лживые речи и крики боли, разрозненные мольбы. Я заткнул уши, как будто от этого мог быть хоть какой-нибудь толк, но в конце концов мне удалось заглушить все звуки.

Мало-помалу передо мной появились неясные, перекрывающие друг друга образы их мыслей – словно миллион птиц, трепеща крыльями, взлетел в поднебесье. «Подайте-ка сюда моего убийцу! Что он видит?»

Вот наконец и он – в маленькой грязной комнатушке, совсем не похожей на мою, хотя она всего-то в двух кварталах отсюда. Только встает с постели. Дешевая мятая одежда, пот на небритом лице, толстая рука нервно тянется в карман рубашки за сигаретами, но он тут же забывает о них и роняет. Грузное сложение, бесформенные черты лица и взгляд, выражающий смутное беспокойство или туманное раскаяние.

Ему не пришло в голову приодеться для этого вечера, для трапезы, которой он так жаждал. Его пробуждающийся ум изнемогал под тяжестью уродливых пульсирующих снов. Он встряхнулся, на покатый лоб упали нечесаные жирные волосы, глаза его походили на осколки черного стекла.

Застыв в своей тихой темной комнате, я следовал за ним по пятам: спустился через черный ход, вышел на залитую ослепительным светом Коллинз-авеню, миновал пыльные витрины и покосившиеся рекламные щиты и двинулся навстречу непременно ждущей впереди, но еще не избранной им вожделенной жертве.

Кто же эта счастливица, слепо бредущая в немногочисленной унылой вечерней толпе по тем же мрачным улицам, неуклонно приближаясь к своему кошмару? Может быть, она несет пакет молока и кочан салата в коричневом бумажном пакете? Ускорит ли она шаг, завидев головорезов на углу? Тоскует ли она по старому прибрежному району, где, возможно, жила когда-то вполне обеспеченно, до тех пор пока архитекторы и декораторы не выставили ее в гостиницу с потрескавшимися и облупившимися стенами?

И что придет в голову этому гнусному ангелу смерти, когда он заметит ее в людском потоке? Напомнит ли она ему о мифической сварливой бабе из детства, которая выбивала из него остатки сознания, пока он не поднимался к пантеону подсознательного? Или мы требуем от него слишком многого?

Я хочу сказать, что бывают такого рода убийцы, которые не проводят никакой параллели между символом и реальностью, а через несколько дней и вообще напрочь забывают о содеянном. Очевидно в данном случае лишь одно: их жертвы не заслужили такой участи, а они, убийцы, заслужили встречу со мной.

Ничего, прежде чем он получит возможность прикончить ее, я вырву его злобное сердце, и тогда он отдаст мне все, что имеет, включая себя самого.

Я медленно спустился по ступенькам и прошел по элегантному, сверкающему, отделанному в стиле ар-деко холлу, шикарному, как в рекламе. Как же приятно двигаться по-смертному, открывать двери, выходить на свежий воздух. Смешавшись с прогуливающимися по тротуару людьми, я направился на север, с вполне естественным любопытством скользя взглядом по перестроенным или заново отделанным отелям и маленьким кафе.

Возле перекрестка толпа сгустилась. Перед фешенебельным рестораном на открытом воздухе стояли гигантские телекамеры, объективы которых были направлены на небольшой участок тротуара, ярко, до рези в глазах, освещенный громадными белыми прожекторами. Проезжая часть была перекрыта грузовиками, машины замедляли ход и останавливались. Собравшуюся толпу зевак от мала до велика происходящее не слишком-то интересовало – теле- и кинокамеры на Саут-Бич давно стали привычным зрелищем.

Опасаясь излишнего сияния кожи, способного привлечь ко мне ненужное внимание, я старательно обходил любые источники света. Ах, если бы я был одним из этих загорелых людей, пахнущих дорогими пляжными маслами и лишь слегка прикрывающих тело полупрозрачными хлопчатобумажными лоскутками! Повернув за угол, я снова осмотрелся в поисках добычи. Он спешил, галлюцинации до такой степени помрачали его сознание, что он с трудом мог контролировать свою шаркающую, неуверенную поступь.

Времени не оставалось.

Чуть увеличив скорость, я взлетел на невысокие крыши. Ветер стал сильнее и свежее. Рокот возбужденных голосов, нудные привычные песни по радио да и шум самого ветра здесь не резали слух.

В тишине мне удалось поймать его отражение в равнодушно взиравших на него глазах встречных; в тишине я вновь увидел его фантазии об иссохших руках и ногах, о впалых щеках и обвислых грудях. Тонкая мембрана между фантазией и реальностью уже начала рваться.

Я спрыгнул на Коллинз-авеню так быстро, что, казалось, материализовался из воздуха. Но никто на меня не смотрел. Слона обычно никто не замечает.

Через несколько минут я шел легкой походкой всего в нескольких шагах позади него – угрожающего вида молодой человек, не задумываясь врезающийся в стоящие на его пути компании крутых ребят. Преследуя добычу, я вошел в стеклянные двери огромной аптеки, где царил ледяной холод. Вот уж зрелище так зрелище – пещера с низким потолком, битком набитая всевозможными фасованными и законсервированными продуктами, предметами туалета и средствами для ухода за волосами, девяноста процентов которых не было и в помине в ту эпоху, когда я появился на свет.

Я имею в виду гигиенические салфетки, глазные капли, пластмассовые заколки для волос, фломастеры, а также кремы и мази для всех мыслимых частей человеческого тела, жидкости для мытья посуды всех цветов радуги, составы для окраски волос доселе неведомых и пока что не имеющих названия оттенков. Представьте только, как Людовик XI с шумом открывает хрустящий пластиковый пакет с подобными чудесами внутри? Что бы он подумал о пластиковых кофейных чашках, о шоколадном печенье в целлофановой упаковке или о ручках, в которых не кончаются чернила?

Да, я и сам еще не до конца привык к этим вещам, хотя вот уже два века своими глазами наблюдаю за ходом промышленной революции. В таких аптеках я могу стоять часами. Иногда на меня словно столбняк находит в самом центре «Уолмарт».

Но на этот раз нельзя выпускать добычу из вида. Придется забыть на время о «Тайм» и «Вог», о карманных компьютерных переводчиках и наручных часах, которые показывают время даже тогда, когда их владелец плавает в морской воде.

Зачем же он пришел в такое место? Обремененные детишками молодые кубинские семьи не в его стиле. Но он бесцельно бродил по узким проходам, покрасневшими глазами осматривая заставленные полки и не обращая ровным счетом никакого внимания ни на множество темных лиц вокруг, ни на быструю испанскую речь; да и его, кроме меня, никто не замечал.

Господи боже, какой же он гнусный – во власти своей мании он утратил всякую благопристойность, лицо избороздили глубокие складки, шея покрыта слоем грязи. Он мне понравится? Черт, это же бурдюк с кровью. Зачем искушать судьбу? Ведь суть в том, что я не могу больше убивать маленьких детей. Или лакомиться шлюхами с пристани, убеждая себя, что поступаю справедливо, коль скоро они в свою очередь отравили не одного лодочника. Я же умираю от угрызений совести! А когда ты бессмертен, этот постыдный процесс может затянуться надолго. Нет, вы только посмотрите на него: грязный, вонючий, бестолковый убийца! Заключенные в тюрьме и то вкуснее.

И когда я еще раз проник в его мысли – как будто дыню разрезал, – до меня дошло: он сам не знает, кто он такой! Он никогда не читал о себе в газетах! Он действительно не в состоянии последовательно восстановить в памяти все события своей жизни и не сможет признаться в совершенных убийствах, потому что о них не помнит; он даже не знает, что сегодня вечером совершит убийство! Он не знает того, что знаю я!

О горе мне, горе, я вытянул самую паршивую карту, сомнений быть не может. Господи боже! О чем я думал, выслеживая именно его, когда подзвездный мир полон куда более злобных и коварных тварей! Мне хотелось плакать.

Но в этот момент сработал возбуждающий фактор. Он увидел свою старушку, заметил ее голые морщинистые руки, сгорбленную спину, худые трясущиеся бедра в светлых шортах. Она бесцельно бродила по залитому флуоресцентным светом залу, наслаждаясь стоящим вокруг гулом, – лицо полускрыто зеленым пластмассовым козырьком, волосы скручены и закреплены черными шпильками на крохотном затылке.

В небольшой корзинке она несла пинту апельсинового сока в пластиковой бутылке и пару тапочек, таких мягких, что их свернули в аккуратный маленький рулончик. Теперь же она с заметной радостью взяла с полки и добавила к ним книжку в бумажной обложке; она ее уже читала, однако сейчас любовно поглаживала, мечтая о том, как будет ее перечитывать, – ведь это словно навестить старых знакомых. «Дерево растет в Бруклине». Да, мне она тоже понравилась.

Впав в транс, он следовал за ней по пятам, так близко, что женщина почувствовала его дыхание на своей шее. Пустыми, остекленевшими глазами следил он, как та дюйм за дюймом приближается к кассе, извлекая из-за обвисшего воротничка блузки несколько грязных долларовых банкнот.

Они вышли на улицу – он плелся равнодушно и целенаправленно, словно кобель, преследующий пустующую сучку, а она двигалась медленно, резко и неуклюже меняя направление, чтобы не сталкиваться с группами шумных и наглых подростков; серый пакет с вырезанными в пластике ручками уныло болтался в ее руке. Она что, разговаривает сама с собой? Похоже на то. Я не стал вникать в мысли старушки, постепенно ускорявшей шаг. Я изучал преследующего ее зверя, который был абсолютно не в состоянии видеть и воспринимать ее как единое целое.

Он трусил за ней, а в его мозгу мелькали болезненные, слабые образы. Он жаждал накрыть собой старую плоть, жаждал закрыть ладонью старческий рот.

Когда она добралась до небольшого многоквартирного дома, стоящего на отшибе в окружении чахлых карликовых пальм и выстроенного, похоже, из рассыпающегося известняка, такого же, как и все прочие здания в этой убогой части города, он внезапно покачнулся и остановился, безмолвно следя за тем, как она идет по узкому, вымощенному плиткой дворику и поднимается по грязно-зеленым цементным ступенькам. Он запомнил номер квартиры, когда она открывала дверь, затем, тяжело ступая, дошел до этого места и, привалившись к стене, начал во всех подробностях рисовать в воображении, как будет убивать ее в безликой пустой спальне, представлявшей собой не более чем смешение пятен света и тени.

Нет, вы посмотрите только, как он стоит там, у стены, свесив набок голову! Такое впечатление, будто его зарезали. Да разве может он хоть кого-нибудь заинтересовать? Почему бы мне не убить его прямо сейчас?

Но секунды уходили, а ночь теряла свое сумеречное свечение. Звезды засияли ярче. Свежий ветерок налетал порывами.

Мы ждали.

Ее глазами я увидел гостиную, как будто действительно мог проникать взглядом сквозь стены: чистенькая, но забитая потрепанной старой мебелью из уродливой фанеры, с закругленными углами; судя по всему, мебель ее мало интересовала. Однако все было отполировано ее любимым ароматизированным маслом. Сквозь дакроновые занавески молочного оттенка, унылые, как и вид за окном, просачивался неоновый свет. Но маленькие, продуманно расставленные лампы обеспечивали уютное освещение. Вот это было для нее важно.

Она спокойно расположилась в кленовом кресле-качалке с чудовищной обивкой из шотландки – крошечная, но исполненная достоинства фигурка – и открыла роман в бумажной обложке. Какое счастье – вновь встретиться с Фрэнси Нолан! Хлопчатобумажный халат в цветочек, который она достала из стенного шкафа, едва прикрывал худые колени, на уродливой формы ступни она надела синие тапочки, похожие на носки, а длинные седые волосы заплела в толстую изящную косу.

Перед ней на маленьком черно-белом телеэкране беззвучно спорили теперь уже покойные кинозвезды. Джоан Фонтейн опасалась, что Кэри Грант хочет ее убить. И, судя по выражению его лица, ее опасения вполне оправданны. Как можно доверять Кэри Гранту, недоумевал я, человеку, который выглядит словно деревяшка?

Она могла обойтись и без звука – по ее подсчетам, она смотрела этот фильм уже раз тринадцать. Роман же, лежавший у нее на коленях, читала только дважды, так что очередное чтение еще не выученных наизусть абзацев доставит ей особенное удовольствие.

Наблюдая из глубины тенистого сада, я сумел определить основные качества ее личности, не склонной драматизировать происходящее и не подверженной влиянию встречающихся на каждом шагу проявлений дурного вкуса. Ее немногочисленные сокровища уместились бы в любом шкафу. Книга и светящийся экран значили для нее намного больше, чем все остальные вещи, и она прекрасно сознавала их духовную природу. Даже цвет ее практичной и безликой одежды она не считала заслуживающим внимания.

Мой убийца-скиталец пребывал в состоянии, близком к параличу, в его мозгу роились обрывки не поддающихся интерпретации образов.

Я скользнул за оштукатуренное здание и обнаружил лестницу, ведущую в кухню. По моей команде замок легко открылся. Дверь распахнулась, словно я толкнул ее, хотя я и пальцем не пошевелил.

Я беззвучно проскользнул в помещение с покрытым линолеумом полом. Запах газа, исходивший от маленькой белой плиты, вызывал у меня тошноту. Равно как и запах мыла, лежащего на липком керамическом блюдце. Но сама обстановка была мне по душе. Красивый, дорогой ее сердцу китайский фарфоровый сервиз, синий с белым, так аккуратно расставленный, с тарелками на переднем плане. Обращали на себя внимание загнутые уголки страниц в поваренной книге. А на столе – ни пятнышка, сияет ярко-желтая клеенка, в круглой чаше с прозрачной водой растет восковой плющ; вода отбрасывает на низкий потолок дрожащее пятно света.

Я неподвижно стоял в кухне, придерживая пальцами дверь, чтобы она не открылась, и думал только о том, что она читает сейчас свой любимый роман Бетти Смит, время от времени поглядывает на мерцающий экран и совершенно не боится смерти. Она не обладала внутренней антенной, которая позволила бы ей почувствовать присутствие совсем рядом на улице безумного призрака или монстра, словно дух проникшего в ее кухню.

Убийца так глубоко погрузился в созерцание своих видений, что не видел прохожих. Он не заметил ни патрулирующую полицейскую машину, ни подозрительные и угрожающие взгляды облаченных в униформу смертных, которые знали о нем всё, включая и то, что он совершит нападение сегодня ночью; не знали только, кто он такой.

По небритому подбородку потекла тонкая струйка слюны. Ни его дневная жизнь, ни страх разоблачения не были для него реальностью – реальностью оставались лишь видения и вызванная ими неуемная дрожь, сотрясавшая всё его грузное, нескладное тело. Правая рука внезапно дернулась. Левый уголок рта приоткрылся.

Я ненавидел этого мужика! Я не хотел пить его кровь. Он был убийцей низкого пошиба. Чьей крови я жаждал, так это ее.

Она одиноко сидела в тишине, сосредоточенно читая хорошо знакомые абзацы, и казалась такой маленькой, задумчивой и такой довольной. Назад, назад, к тем дням, когда она – элегантно одетая молодая секретарша в красной шерстяной юбке и белой блузке с оборками и жемчужными пуговками на манжетах – впервые читала эту книгу, сидя в окружении множества людей у пузырящегося фонтана на Лексингтон-авеню в Нью-Йорке. Она работала в каменном высотном бизнес-центре – поистине великолепном здании с узорчатыми латунными дверцами лифтов и выложенными темно-желтой мраморной плиткой полами в холлах.

Я хотел прижаться губами к ее воспоминаниям – о стуке высоких каблучков по мраморному полу, о ее гладких икрах, затянутых в шелковые чулки, которые она всегда надевала с величайшей аккуратностью, чтобы длинными накрашенными ногтями не зацепить петли. Передо мной на секунду мелькнули ее рыжие волосы. Я увидел ее экстравагантную, на самом деле, наверное, чудовищную, но тем не менее очаровательную желтую шляпку с полями.

Такую кровь стоит выпить. А я был голоден, подобное чувство голода я редко испытывал в последние десятилетия. Выдержать внеочередной «Великий пост» оказалось сложнее, чем я думал. О господи, как же мне хотелось ее убить!

Внизу, на улице, убийца издал слабый булькающий звук, прорвавшийся сквозь бурлящий поток остальных звуков к моим чувствительным ушам вампира.

Наконец чудовище отделилось от стены, наклонилось, как будто собиралось продвигаться ползком, потом неторопливо побрело к нам – во дворик и наверх по ступенькам.

Позволить ему напугать ее? Какой смысл? Ведь я уже держу его на прицеле. Тем не менее я дал ему возможность вставить маленькую металлическую отмычку в круглую замочную скважину и взломать замок. Цепочка вылетела из прогнившего дерева.

Он шагнул в комнату и уставился на нее без всякого выражения. Она в ужасе вжалась в кресло, книга соскользнула с коленей.

И тут в проеме кухонной двери он увидел меня – слившуюся с полумраком тень молодого человека в сером бархатном костюме и темных очках, сдвинутых на лоб. Я смотрел на него тем же лишенным выражения взглядом. Успел ли он разглядеть мои сияющие глаза, похожую на отполированную слоновую кость кожу, безмолвный взрыв белого света от моих волос? Или же он увидел во мне всего лишь препятствие на пути к его зловещей цели и вся красота пропала зря?

Через секунду он кинулся наутек. Он помчался вниз, старушка закричала и бросилась захлопывать деревянную дверь.

Я летел за ним, не касаясь земной тверди, и позволил ему на секунду заметить себя под уличным фонарем, когда он заворачивал за угол. Мы промчались еще полквартала, и тогда я по воздуху направился к нему; если бы смертные дали себе труд присмотреться, то увидели бы лишь неясное пятно. Я застыл перед ним, он взвыл и бросился бежать.

В такую игру мы играли на протяжении нескольких кварталов. Он бежал, останавливался – и видел меня за своей спиной. Его прошиб пот, и вскоре тонкая синтетическая ткань рубашки пропиталась им насквозь и прилипла к гладкой, безволосой груди.

Наконец он добежал до своей паршивой ночлежки и помчался вверх по лестнице. Когда он открыл дверь своей комнатушки на верхнем этаже, я уже был там. Он и вскрикнуть не успел, как оказался в моих объятиях. В ноздри мне ударила вонь грязных волос, смешанная со слабым химическим запахом синтетических нитей его рубашки. Но теперь это не имело значения. Он оказался сильным и теплым – какой сочный каплун! – грудь его вздымалась, запах крови заполнял мой мозг. Я ощущал ее биение в желудочках, клапанах и в болезненно сокращающихся сосудах. Я слизнул ее с мягкой красной плоти возле глаз.

Его сердце отчаянно билось, словно готовое вот-вот разорваться, – я старался быть осторожным, чтобы не раздавить свою добычу. Я сомкнул зубы на влажной коже шеи…

«Мм. Мой брат, мой бедный одурманенный брат. Густая кровь, хорошая…»

Пока он обмякал в моих объятиях, забил фонтан образов… Его жизнь была поистине сточной канавой: старушки и старики, их трупы, плывущие по течению, бессмысленно натыкающиеся один на другой… Никакого удовольствия. Слишком все просто. Ни коварства, ни злобы – ничего. Примитивный, как ящерица, глотающая муху за мухой. Господи боже, это все равно что вернуться в то время, когда землей правили рептилии и целый миллион лет лишь их желтые глаза видели падающий дождь и восходящее солнце.

Не важно. Я отпустил его, и он беззвучно выскользнул из моих рук. Я наполнил свои вены кровью млекопитающего. Не так уж и плохо. Я закрыл глаза в ожидании, пока эта раскаленная спираль не проникнет в мои кишки, или что там находится внутри этого жесткого могущественного белого тела. Как в тумане я увидел, что он ползет по полу на коленях – на редкость неуклюже. Как просто – подобрать его из кучи мятых рваных газет, где на пыльный коврик льется холодный кофе из опрокинутой чашки.

Я резко дернул его за воротник. Большие пустые глаза закатились. Он вслепую пнул меня ногой, скользнув ботинком по коже, – бандит, убийца старых и немощных. Схватив его за волосы, я снова приник к нему голодным ртом и почувствовал, как он каменеет, словно мои клыки смочены ядом.

Кровь снова ударила мне в голову. Я ощущал, как она наполняет энергией крошечные сосуды лица, пульсирует даже в кончиках пальцев и колючим теплым потоком разливается по позвоночнику. Глоток за глотком. Какое сочное и грузное создание! Я снова выпустил его из рук и, когда он, чуть не падая, пополз прочь, последовал за ним, протащил его по всему полу, развернул к себе лицом, потом отшвырнул прочь и позволил еще немного побороться за свою жизнь.

Теперь он пытался заговорить, издавая какие-то звуки, весьма отдаленно напоминавшие человеческий язык. Ничего не видя перед собой, он бросился на меня. И впервые в его облике появилось нечто похожее на трагическое достоинство, в слепых глазах мелькнуло неясное выражение гнева. Казалось, меня окутали старые легенды, воспоминания о гипсовых статуях и безымянных святых. Он вцепился мне в подошву. Я поднял его и нанес новую рану, на этот раз она оказалась слишком большой. Все было кончено.

Наступившая смерть словно нанесла мне удар в живот. На мгновение я почувствовал тошноту, но потом остались только тепло, сытость и ослепительное сияние живой крови вместе с потрясшей все мое тело предсмертной дрожью жертвы.

Я упал в его грязную постель. Сколько я там пролежал, созерцая низкий потолок, не знаю.

Когда кислые, затхлые запахи комнаты и зловоние его тела стали нестерпимыми, я поднялся и поплелся прочь, двигаясь так же неуклюже, как и он. С ненавистью и злостью я молча отдался смертным движениям, ибо не желал больше быть невесомым крылатым ночным скитальцем. Я хотел быть человеком, испытывать человеческие чувства; его кровь наполнила каждую клеточку моего тела, но мне этого было недостаточно. Совершенно недостаточно!

Куда подевались все обещания? Полузасохшие чахлые карликовые пальмы стучали об оштукатуренные стены.

– О, ты вернулся, – сказала она мне.

Низкий сильный голос, без всякой дрожи. Она стояла перед уродливым плетеным креслом-качалкой с ободранными кленовыми ручками, сжимая в руке дешевый роман, и внимательно смотрела на меня сквозь очки в серебряной оправе. Маленький бесформенный рот, приоткрывающий желтые зубы, отвратительный контраст с темной личностью, проявившейся в голосе, которому неведома слабость.

Что, во имя Бога, думала она, улыбаясь мне? Почему она не молилась?

– Я знала, что ты придешь, – сказала она. Она сняла очки, и я увидел остекленевшие глаза. Что им предстает? Какие видения от меня исходят? Я, способный безупречно контролировать каждую мелочь, был так обескуражен, что чуть не заплакал. – Да, я знала.

– Правда? И откуда ты знала? – прошептал я, приближаясь к ней, наслаждаясь интимной теснотой заурядной комнатушки.

Я протянул свои чудовищные, слишком белые для человека пальцы, достаточно сильные, чтобы оторвать ей голову, и нащупал ее тонкое горло. Запах «Шантильи» – или какой-то другой аптечный запах.

– Да, – негромко, но уверенно повторила она. – Я всегда знала.

– Так поцелуй меня. Люби меня.

Какая она теплая, какие у нее крошечные плечи, как она великолепна в своем увядании – слегка пожелтевший, но еще полный аромата цветок: под утратившей свежесть жизни кожей танцуют бледно-голубые вены, веки плотно прилегают к закрытым глазам, кожа туго обтягивает кости черепа.

– Забери меня на Небеса, – попросила она. Казалось, что голос ее исходит из самого сердца.

– Не могу. Ах, если бы это было в моих силах! – мурлыкал я ей на ухо.

Я обнял ее и уткнулся лицом в мягкое гнездышко седых волос. Прикосновение к лицу ее сухих, как осенние листья, пальцев заставило меня вздрогнуть всем телом. Она тоже дрожала. Нежное, изможденное маленькое существо с бесплотным, словно хрупкий огонек, телом, существо, обладающее теперь лишь разумом и волей!

«Одну каплю, Лестат, не больше!»

Но было уже слишком поздно, я понял это, когда мне на язык брызнул первый фонтанчик крови. Я опустошал ее досуха. Конечно, ее встревожили мои стоны, но потом она уже ничего не слышала… Как только это начинается, они перестают слышать окружающие звуки.

«Прости меня».

«О, дорогой!»

Мы вместе опускались на ковер, любовники на шершавом лоскутке с поблекшими цветами. Я видел упавшую книгу и рисунок на обложке, но все казалось ненастоящим. Я осторожно обнял ее, чтобы не сломать. Но пустой скорлупой в данном случае был я, не она. Смерть наступала быстро, словно она сама шла мне навстречу по широкому коридору в каком-то совершенно определенном и чрезвычайно важном месте. Ну конечно, желтая мраморная плитка… Нью-Йорк, слышен даже доносящийся снизу автомобильный шум и тихий удар хлопающей в другом конце холла двери.

– Спокойной ночи, дорогой, – прошептала она.

У меня слуховые галлюцинации? Как она до сих пор может произносить слова?

«Я люблю тебя».

– Да, дорогой. Я тоже тебя люблю.

Она стояла в холле и улыбалась. Густые рыжие волосы красиво завивались на уровне плеч; чуть раньше ее каблучки громко и соблазнительно стучали по мрамору, но сейчас ее окутывала тишина, хотя складки шерстяной юбки все еще колыхались; она смотрела на меня с очень странным хитрым выражением, а потом направила на меня маленький черный тупоносый пистолет.

«Какого черта ты делаешь?»

Она умерла. Раздавшийся выстрел был столь оглушительным, что какое-то время я не слышал ничего, кроме звона в ушах. Я лежал на полу и тупо смотрел в потолок, ощущая лишь запах кордита в нью-йоркском коридоре.

Но я был в Майами. На столе тикали ее часы. Из перегревшегося телевизора доносился сдавленный, еле слышный голос Кэри Гранта – он говорил Джоан Фонтейн, что любит ее. А Джоан Фонтейн была так счастлива. Ведь прежде она была уверена, что Кэри Грант собирается ее убить.

Я тоже.

Саут-Бич. Вернуться бы к Неон-Стрип. Но на этот раз я удалялся от шумных улиц, вышел к песку и направился к морю.

Я шел и шел, пока не остался совсем один – ни ночных купальщиков, ни любителей прогуливаться по пляжу. Только песок, с которого уже стерлись все дневные следы, и огромный серый ночной океан, без отдыха бьющийся о покорный берег. Какое высокое небо, полное быстрых облаков и далеких, едва различимых звезд.

Что я наделал! Убил ее, его жертву, выключил свет жизни той, кого обязан был спасти. Вернулся к ней, лег с ней и убил, а она слишком поздно выстрелила из невидимого пистолета.

Меня опять мучила жажда.

Потом я уложил ее на маленькую, аккуратно застеленную блеклым нейлоновым одеялом кровать, сложил ей руки и закрыл глаза.

Господи, помоги мне. Где мои безымянные святые? Где ангелы с крыльями, готовые отнести меня в ад? А когда они придут, станут ли они последним прекрасным зрелищем, которое мне суждено увидеть? Можно ли, падая в огненное озеро, проследить за их поднебесным полетом? Стоит ли надеяться в последний раз лицезреть их золотые трубы, их обращенные к Небесам лица, отражающие свет лика Господня?

Что я знаю о Небесах?

Я долго стоял и смотрел на далекие ночные облака, а потом повернулся назад, к мигающим огням новых отелей и сиянию уличных фонарей.

Вдалеке, на тротуаре, стоял одинокой смертный; он смотрел в мою сторону, но меня, скорее всего, даже не замечал – маленький силуэт на краю великого моря. Наверное, он, как и

я, просто любовался океаном, словно тот мог сотворить чудо, словно океанская вода способна омыть и очистить наши души.

Когда-то мир представлял собой сплошное море; сто миллионов лет шел дождь. Но теперь космос буквально кишит чудовищами.

Он все не уходил, одинокий смертный с пристальным взглядом. И постепенно я осознал, что взгляд его сосредоточен именно на мне. Через пустынную гладь пляжа и прозрачную темноту наши глаза встретились! Да, он смотрит на меня.

Поначалу я едва обратил на это внимание и продолжал наблюдать за ним лишь потому, что не хотел отворачиваться. Потом меня охватило любопытное ощущение – ничего подобного я прежде не испытывал.

У меня слегка закружилась голова, затем последовала мягкая покалывающая вибрация, распространившаяся по всему телу. Мои ноги как будто напряглись, сжимая заполняющее их вещество. В самом деле, это чувство было настолько отчетливым, что мне показалось, будто меня вытесняют из собственного тела. Я изумился. В этом было нечто неуловимо восхитительное, особенно для такого твердого, холодного и невосприимчивого к различным ощущениям существа, как я. Необыкновенное чувство поглотило меня целиком, как кровь, хотя не имело никакого отношения к внутренним органам. И не успел я проанализировать это ощущение, как оно исчезло.

Я вздрогнул. Может быть, я все это выдумал? Я продолжал изучать странного смертного, в то время как он – бедная душа – в ответ смотрел на меня, не подозревая о моей истинной сущности.

На его молодом лице возникла робкая, полная безмерного удивления улыбка. И постепенно до меня дошло, что это лицо мне знакомо. Еще большее потрясение я испытал, увидев ясно читавшееся на нем выражение узнавания и непонятного ожидания. Вдруг он поднял правую руку и помахал мне.

Я был совершенно сбит с толку.

Но я знал этого смертного. Нет, вернее будет сказать, что я уже видел его, и не один раз. И тогда ко мне с полной силой вернулись некоторые ясные воспоминания.

В Венеции он болтался на углу площади Сан-Марко, а через несколько месяцев – в Гонконге, рядом с ночным рынком, и оба раза я обратил на него внимание только потому, что он обратил внимание на меня. Да, несомненно: то же самое крепкого сложения тело и те же густые волнистые коричневые волосы.

Невозможно. Или, лучше сказать, невероятно, ибо это действительно был он! Он повторил приветственный жест и поспешно, довольно-таки неловко побежал ко мне странными неуклюжими шагами; я наблюдал за ним с холодным неугасающим изумлением.

Я попытался прочесть его мысли. Ничего. Прочно заперты. Лишь по мере его приближения к более ярко освещенной прибрежной полосе все отчетливее видится улыбающееся лицо. В ноздри мне ударил запах его страха и крови. Да, он был напуган, однако при этом ужасно возбужден. Внезапно он показался мне очень соблазнительным – еще одна жертва кидается прямиком в мои объятия.

Ах, как блестят его большие карие глаза! И как сияют зубы!

С отчаянно колотящимся сердцем он остановился в трех футах от меня и влажной дрожащей рукой протянул мне пухлый мятый конверт.

Я не сводил с него глаз, не выдавая своих чувств – ни задетой гордости, ни уважения к столь потрясающему достижению: ведь он сумел найти меня и отважился подойти. Я был достаточно голоден, чтобы, не задумываясь, схватить его и выпить его кровь. Я смотрел на него и ни о чем не думал. Я видел только кровь.

Как будто осознав это, почувствовав в полной мере, он напрягся, бросил на меня яростный взгляд, швырнул к моим ногам толстый конверт и лихорадочно заплясал назад по рых-

лому песку. Казалось, у него вот-вот подогнутся ноги. Он чуть не упал, когда повернулся и бросился бежать.

Жажда немного улеглась. Может быть, я действительно ни о чем не думал, но колебался, а это, видимо, требует каких-то мыслей. Кто он, этот нервный сукин сын?

Я предпринял еще одну попытку проникнуть в его разум. Ничего. Очень странно. Но встречаются смертные, обладающие врожденным даром закрывать мысли, даже если абсолютно не подозревают, что кто-то ими интересуется.

Он все бежал и бежал, отчаянно, неловко, и в конце концов, ни разу не остановившись, скрылся в темном переулке.

Прошло несколько минут.

Теперь я даже запаха его не улавливал, если не считать конверта, лежавшего там, куда он его бросил.

Бога ради, что это может значить? Без сомнения, он в точности знал, где я нахожусь. Венеция, Гонконг… Это не могло быть простым совпадением. Его внезапный испуг служит тому несомненным доказательством. Но его мужество не могло не вызвать у меня улыбку. Представьте только – следить за мной!

Может быть, это обезумевший поклонник, постучавшийся в двери храма в надежде, что я поделюсь с ним Темной Кровью просто из жалости или в награду за безрассудство? Внезапно я ощутил приступ бешенства, смешанного с горечью, но он длился недолго, а потом мне опять стало все равно.

Я поднял конверт и увидел, что он не запечатан и на нем нет никаких надписей. Внутри оказалось не что иное, как рассказ, по-видимому выдранный из какого-то дешевого издания книжки.

Толстая пачка мягких листков небольшого формата, скрепленных в левом верхнем углу. Никакой записки. Автором рассказа оказался знакомый мне писатель по имени Г. Ф. Лавкрафт, неплохой сочинитель историй о сверхъестественных происшествиях и разного рода ужасах. Я, собственно, знал и этот рассказ, его название запомнилось мне навсегда: «Тварь на пороге» – оно меня рассмешило.

«Тварь на пороге»… Я и сейчас улыбнулся. Да, я вспомнил этот рассказ, неглупый, забавный.

Но зачем мне передал его тот странный смертный? Нелепица какая-то. Внезапно я опять разозлился – настолько, насколько позволило мое грустное настроение.

Я рассеянно сунул пакет в карман и задумался. Да, он определенно ушел. Я даже не смог увидеть его чужими глазами.

О, если б он попытался ввести меня в искушение в какую-нибудь другую ночь, когда душа у меня не так болела бы и не так устала, когда я мог заинтересоваться им хотя бы настолько, чтобы выяснить, в чем здесь дело.

Но казалось, что с тех пор, как он появился и исчез, минули тысячелетия. Ночь опустела, если не брать в расчет вечную суету большого города и глухой рокот моря. Даже облака истончились и пропали. Небо выглядело бесконечным и душераздирающе неподвижным.

Не слыша ничего, кроме тихого шума прибоя, я поднял голову и всмотрелся в яркие звезды. Потом бросил последний горестный взгляд на огни Майами – города, который я так любил.

И наконец я взлетел – с необыкновенной легкостью, ибо достаточно было только подумать о подъеме, – взлетел так быстро, что ни один смертный не в состоянии был заметить возносящийся в поднебесье силуэт. Преодолевая оглушающий ветер, я поднимался все выше и выше, пока огромный, раскинувшийся внизу город не превратился в далекую галактику, медленно исчезающую из вида.

Ветер на такой высоте всегда леденящий – ему неведома смена времен года. Выпитая кровь была уже полностью поглощена моим телом, ее сладкого тепла как не бывало, и вскоре лицо и руки окутало холодом, он проник под одежду, и весь я словно превращался в ледяную глыбу.

Но боли я не чувствовал. Или, лучше сказать, мне было недостаточно больно.

Скорее, я ощущал дискомфорт. Отсутствие всего, ради чего хочется жить – пылающего тепла огня и объятий, поцелуев и споров, любви, страсти и крови, – вызывало уныние и тоску.

Да, боги ацтеков, должно быть, были жадными вампирами, раз смогли убедить бедных людей в том, что без кровопролития вселенная перестанет существовать. Представить только! Восседать на таком алтаре, щелчком пальцев указывая на этого, этого и этого, и выжимать в рот свежие окровавленные сердца, словно виноградные грозди.

Я крутился и поворачивался на ветру, опустился на несколько футов, снова поднялся, игриво раскинув руки, потом вытянул их по бокам. Я лег на спину, как умелый пловец, и снова уставился на слепые, равнодушные звезды.

Одним лишь усилием мысли я направил свое движение на восток. Над Лондоном еще простирается ночь, хотя часы показывают, что время близится к рассвету. Лондон…

Пора попрощаться с Дэвидом Тальботом, с моим смертным другом.

С момента нашей последней встречи в Амстердаме прошло несколько месяцев; тогда я расстался с ним грубо, и мне было стыдно как за это, так и за то, что я вообще к нему пристаю. С тех пор я шпионил за ним, но больше его не беспокоил. Теперь же я обязан был зайти к нему, невзирая на душевное состояние. Без сомнения, он не станет возражать против моего визита. А я поступлю благопристойно и порядочно, навестив его.

На секунду я подумал о моем любимом Луи. Он, несомненно, сидит в своем рассыпающемся на части домике в сыром тенистом саду Нового Орлеана и, по обыкновению, читает при лунном свете или же, если ночь выдалась темной и облачной, позволяет себе зажечь одну дрожащую свечку. Но слишком поздно прощаться с Луи… Если и есть среди мне подобных хоть кто-нибудь, способный меня понять, то это Луи. Во всяком случае, я так считал. Вероятно, обратное будет ближе к истине…

Я отправился в Лондон.

Глава 2

Обитель Таламаски в старинном, заросшем вековыми дубами парке в окрестностях Лондона была погружена в тишину, ее покатые крыши и широкие лужайки скрывались под густым чистым снегом.

Красивое четырехэтажное здание с множеством сводчатых окон со свинцовыми переплетами, увенчанное бесконечными рядами труб, непрерывно выбрасывающих в ночь извилистые клубы дыма.

Дом, где библиотеки и гостиные обиты темным деревом, где в спальнях потолки с кессонами и толстые красные ковры, где в столовых тихо, как в монастырских трапезных, где члены ордена усердны, словно монахи и монашенки, и способны прочесть ваши мысли, увидеть вашу ауру, предсказать будущее по линиям руки и построить не лишенное оснований предположение относительно того, кем вы были в прошлой жизни.

Ведьмы? Некоторые из них, наверное, ведьмы. Но в основном они просто ученые, посвятившие жизни изучению оккультизма во всех его проявлениях. Некоторые знают больше, чем другие. Некоторые верят сильнее, чем другие. Например, в этой Обители, равно как и в других – в Амстердаме, в Риме, в дебрях болотистой Луизианы, – есть люди, которые собственными глазами видели вампиров и оборотней, которые почувствовали на себе смертельно опасное физическое воздействие силы телекинеза смертных, которые могут вызывать огонь или приносить смерть, которые беседовали с призраками, которые боролись с невидимыми существами и выиграли… Или проиграли…

Орден существует более тысячи лет. Фактически он еще старше, но его происхождение окутано завесой тайны – а если быть более точным, Дэвид не желает посвящать меня в подробности.

Откуда Таламаска берет деньги? В подземельях ордена хранится невероятное количество золота и драгоценностей. Его вклады в крупнейших банках Европы вошли в легенду. Он владеет недвижимостью в каждом из городов, где имеет свои центры, – даже этого хватило бы на содержание ордена, не будь у него иных источников финансирования. Но у него есть еще многочисленные старинные сокровища: картины, статуи, гобелены, антикварная мебель и украшения – все эти приобретения связаны с различными случаями проявления оккультизма. В глазах ордена они не имеют денежной ценности, так как их историческое и научное значение намного превышает любые возможные оценки.

Одна только библиотека стоит королевской казны в какой угодно земной валюте. В ней можно обнаружить рукописи на всех языках и даже некоторые документы из прославленной древней библиотеки Александрии, которая сгорела много веков назад, а также из библиотек мучеников-катаров, чьей культуры больше не существует. Есть там и древнеегипетские тексты, и археологи с радостью пошли бы на убийство, лишь бы взглянуть на них одним глазком. Имеются и бумаги, написанные представителями нескольких типов сверхъестественных существ, включая вампиров. В этих архивах хранятся письма и документы, написанные мной самим.

Ни одно из этих сокровищ меня не интересует. Они меня никогда не интересовали. Бывало, конечно, что в более игривом настроении я тешил себя идеей вломиться в подземелья и забрать несколько старых реликвий, принадлежавших бессмертным, которых я любил. Я знаю, что эти ученые забрали брошенные мной когда-то вещи: содержимое парижских комнат конца прошлого века, книги и мебель из моего старого дома на тенистой улице Садового квартала, под которым я проспал несколько десятилетий, не имея ни малейшего представления о том, кто ходит по прогнившему полу над моей головой. Бог знает, что еще они спасли от прожорливого времени.

Но мне не было дела до этих вещей. Пусть оставляют себе все, что сумели вызволить.

Меня интересовал Дэвид, Верховный глава ордена, ставший моим другом с той давней ночи, когда я, действуя импульсивно, бесцеремонно проник через окно в его личные комнаты на четвертом этаже.

Как храбро и достойно повел он себя в ту ночь! И как же мне нравилось смотреть на него – на высокого мужчину с глубокими морщинами на лице и отливающей металлом сединой. Я подумал еще, может ли обладать подобной красотой человек молодой. Но самым главным было то, что он знал меня, знал, кто я такой.

«Вы хотите получить Темный Дар?.. Стать одним из нас… Если бы я согласился…»

«Я бы его не принял даже через миллион лет… Я никогда не передумаю…» – ответил тогда он.

Его убеждения остались непоколебимыми. Но его завораживало само мое присутствие, и этого он утаить не мог, хотя с того самого первого раза прекрасно закрывал все другие свои мысли.

Да, его голова стала настоящим сейфом, ключа к которому не существует. А мне досталось только просветленное, полное привязанности выражение лица и тихий интеллигентный голос, способный уговорить хорошо вести себя даже самого дьявола.

Добравшись в предрассветный час до укрытой зимним английским снегом Обители, я направился прежде всего к окнам Дэвида и обнаружил, что в его комнатах темно и пусто.

Я вспомнил нашу недавнюю встречу. Может быть, он опять уехал в Амстердам?

Последняя поездка была непредвиденной – это все, что я успел выяснить по прибытии сюда в поисках Дэвида, прежде чем компания весьма способных экстрасенсов почувствовала мое нежелательное телепатическое присутствие – а это они умеют делать на удивление хорошо, – и поспешно опустила завесу.

Похоже, что какое-то дело чрезвычайной важности требует присутствия Дэвида в Голландии.

Голландская Обитель старше, чем та, что под Лондоном, и ключ к ее подземельям имеет только Верховный глава. Дэвид тогда должен был отыскать один портрет кисти Рембрандта, одно из самых крупных сокровищ ордена, заказать копию и отослать эту копию своему близкому другу Эрону Лайтнеру, которому она требовалась в связи с важным паранормальным расследованием, проводимым в Штатах.

Я последовал за Дэвидом в Амстердам и тайно проследил за ним, сказав себе, что не стану его беспокоить, как нередко делал это в прошлом.

Если не возражаете, я расскажу о том, что тогда произошло.

Поздним вечером я следовал за ним на безопасном расстоянии, маскируя свои мысли так же мастерски, как он всегда маскировал свои. Что за поразительная личность, думал я, в то время как он энергично шагал под вязами Зингель-грат, то и дело останавливаясь полюбоваться узкими старинными трех- и четырехэтажными голландскими домами с высокими фронтонами, ярко освещенные окна которых оставались не закрытыми шторами – видимо, для удовольствия прохожих.

Я сразу же почувствовал в нем перемену. При нем, как и всегда, была трость, хотя он по-прежнему явно в ней не нуждался и, по обыкновению, держал на плече. Однако он предавался мрачным размышлениям и, судя по всему, испытывал неудовольствие или неудовлетворенность чем-то. Час за часом бродил он по улицам, словно забыв о времени.

Скоро мне стало ясно, что Дэвид охвачен воспоминаниями, периодически мне удавалось уловить явственные образы, относящиеся к его проведенной в тропиках юности, и даже проблески зеленеющих джунглей, так не похожих на этот холодный северный город, где, без сомнения, никогда не бывает тепло. Тогда мне еще не снился тигр. Я не знал, что это значит.

Но все это были лишь дразнящие воображение обрывки. Дэвид слишком хорошо умел скрывать свои мысли.

Однако он все шел и шел, словно что-то влекло его вперед, а я не прекращал его преследовать, испытывая странное чувство спокойной радости от одной только возможности видеть его на расстоянии нескольких кварталов.

Если бы не без конца снующие мимо него велосипеды, Дэвида можно было бы принять за молодого человека. Но велосипеды пугали его. Ему был присущ инстинктивный страх старого человека перед тем, что его могут задеть и сбить с ног. Он с возмущением смотрел вслед молодым велосипедистам и вновь погружался в размышления.

Он возвращался в Обитель почти на рассвете. И конечно, спал большую часть следующего дня.

Когда я как-то вечером нагнал его уже в пути, мне снова показалось, что он идет куда глаза глядят. Такое впечатление, что он просто так бродил по многочисленным узким мощеным улочкам Амстердама. Судя по всему, ему нравилось здесь не меньше, чем в Венеции, и не без причины: несмотря на заметные различия, эти города обладают сходным очарованием, и тот и другой кажутся тесными, и в том и в другом преобладают мрачные тона. В роскошной католической Венеции царит обворожительный упадок, а Амстердам – город протестантский и потому очень чистый и деловитый; такое сопоставление часто вызывало у меня улыбку.

На следующую ночь он снова был один и, насвистывая, быстрым шагом проходил милю за милей. Вскоре мне стало ясно, что он избегает Обители. Точнее, это выглядело так, словно он избегает всего на свете, а когда один из его старых друзей, тоже англичанин и член ордена, неожиданно наткнулся на него в книжном магазине на Лейдсестраат, из разговора стало понятно, что Дэвид в последнее время сам не свой.

Британцы становятся ужасно вежливыми, когда обсуждают и выясняют подобные вещи. Однако из их потрясающе дипломатичной беседы я кое-что выяснил: Дэвид пренебрегает своими обязанностями Верховного главы; Дэвид не появляется в Обители; как только Дэвид оказывается в Англии, он все чаще и чаще навещает дом своих предков в Котсуолде. В чем дело?

В ответ на все предположения Дэвид только пожимал плечами, словно разговор на эту тему не был ему интересен. Он сделал туманное замечание относительно того, что Таламаска может целый век обходиться без Верховного главы – такая там хорошая дисциплина, крепкие традиции и преданные члены. Потом он отправился рыться в книгах и купил дешевое издание «Фауста» Гёте в английском переводе. В одиночестве он пошел поужинать в маленький индонезийский ресторан, положил перед собой «Фауста» и принялся листать страницу за страницей, одновременно поглощая свою обильно приправленную специями трапезу.

Пока он работал ножом и вилкой, я вернулся в магазин и купил экземпляр той же самой книги. Ну и странное произведение!

Не могу сказать, что я его понял или что я понял, зачем Дэвид его читал. Мысль о том, что причина может лежать на поверхности, привела меня в смятение, и я сразу же ее отверг.

Тем не менее книга мне нравилась, особенно конец, где Фауст, естественно, отправляется на Небеса. Не думаю, что более старые легенды заканчивались так же. Фауст всегда отправлялся в ад. Я списал это на счет романтического оптимизма Гёте, а также того факта, что Гёте создавал финал своего творения уже в глубокой старости. Произведения стариков всегда очень сильны и интересны, они заслуживают глубокого анализа, тем более что очень многих творческая энергия оставляет еще до наступления старости.

Дэвид исчез за дверью Таламаски почти перед рассветом, и оставшееся время я бродил по городу в одиночестве. Мне хотелось лучше узнать и изучить Амстердам, потому что Дэвид его знал, потому что этот город был частью его жизни.

Я забрел в огромный Государственный музей, внимательно осмотрел картины Рембрандта, которого всегда любил. Словно вор, я прокрался в дом Рембрандта на Йоденбрестраат – в дневные часы он превращался в маленький храм, открытый для посещения. Я прогулялся по многочисленным узким переулкам, ощущая ауру старых времен. Амстердам – восхититель-

ное место, куда стекается молодежь со всех концов новой, единой Европы, город, который никогда не спит.

Возможно, я бы никогда не появился здесь, если бы не Дэвид. Прежде этот город не воспламенял мое воображение. Теперь же я обнаружил, что жить здесь очень приятно, особенно для вампира, потому что по ночам на улице всегда полно народа. Но прежде всего я, конечно же, хотел увидеться с Дэвидом и понимал, что не смогу уехать, не обменявшись с ним хоть несколькими словами.

Наконец, через неделю после моего прибытия, сразу после захода солнца я обнаружил Дэвида в безлюдном Государственном музее – он сидел на скамейке перед великой работой Рембрандта – портретом старейшин суконного цеха.

Неужели Дэвид каким-то образом узнал, что я побывал здесь? Невероятно, но это был он.

Из разговора со сторожем, который только что отошел от Дэвида, выяснилось, что его почтенный орден замшелых мастеров лезть в чужие дела вносит огромный вклад в развитие искусства в тех городах, где имеет постоянные филиалы. Поэтому членам ордена несложно получить доступ в музеи и посмотреть их сокровища тогда, когда остальным вход сюда запрещен.

Подумать только, а я вынужден проникать в такие места, словно мелкий воришка!

Когда я появился перед ним, в мраморных залах с высокими потолками царила полная тишина. Он сидел на длинной деревянной скамейке, равнодушно держа в правой руке свой теперь уже весьма потрепанный и полный закладок экземпляр «Фауста».

Он напряженно смотрел на картину, на которой были изображены несколько добропорядочных голландцев, собравшихся у стола, чтобы, без сомнения, обсудить торговые дела; однако они спокойно взирали на зрителя из-под широкополых черных шляп. Вряд ли мои слова способны в полной мере передать впечатление от этой картины. Их лица изысканно прекрасны, исполнены мудрости, мягкости и почти ангельского терпения. Откровенно говоря, эти персонажи картины больше похожи на ангелов, чем на обычных людей.

Казалось, они владеют некой великой тайной, и если бы все остальные узнали эту тайну, на свете не было бы больше ни войн, ни зла, ни порока. И как такие люди в семнадцатом веке стали членами амстердамского суконного цеха? Но я забегаю вперед…

Увидев, как я медленно и безмолвно выплываю из тени и приближаюсь к нему, Дэвид вздрогнул. Я сел рядом с ним на скамейку.

Я был одет как бродяга, потому что так и не обзавелся в Амстердаме настоящим жильем, а волосы мои растрепались от ветра.

Я долго сидел неподвижно, намеренно открывая ему свои мысли, давая знать, как меня волнует его благополучие и как я старался ради него самого оставить его в покое.

Сердце Дэвида билось быстро, а лицо, когда я повернулся к нему, искренне выражало безграничную теплоту.

Он протянул правую руку и сжал мое плечо.

– Я, как всегда, рад тебя видеть, очень рад.

– Да, но я причинил тебе вред. И знаю об этом. – Я не хотел говорить, что следил за ним, что подслушал его разговор со старым приятелем, или же обсуждать то, что видел теперь своими глазами.

Я поклялся, что не буду больше мучить его своим старым вопросом. Но, глядя на него, я видел смерть, особенно по контрасту с его оживленностью и энергичными глазами.

Он окинул меня долгим задумчивым взглядом, убрал руку и перевел глаза на картину.

– Есть ли в мире вампиры с такими лицами? – спросил он и показал на людей, взирающих на нас с картины. – Я говорю о знаниях и понимании, которые читаются на этих лицах. Я говорю о том, что имеет большее отношение к бессмертию, чем сверхъестественное тело, находящееся в физиологической зависимости от потребления человеческой крови.

– Вампиры с такими лицами? – ответил я. – Дэвид, это нечестно. Таких лиц и у людей-то не бывает. И никогда не было. Посмотри на любую картину Рембрандта. Это же абсурд – считать, что такие люди жили на свете, и тем более полагать, что во времена Рембрандта они наводняли Амстердам, что любой, кто переступал порог его дома, будь то мужчина или женщина, был ангелом. Нет, в этих лицах ты видишь Рембрандта, а Рембрандт, безусловно, бессмертен.

Он улыбнулся.

– Ты говоришь неправду. Какое же от тебя исходит беспросветное одиночество! Как ты не понимаешь, что я не могу принять твой дар? А если бы я все же согласился его принять, что бы ты обо мне подумал? Стал бы ты по-прежнему искать моего общества? А я – твоего?

Последние слова я едва расслышал. Я смотрел на картину, на людей, точь-в-точь похожих на ангелов. И меня охватила тихая злоба, я больше не желал здесь оставаться. Я отрекся от нападения, но он тем не менее продолжал от меня защищаться. Нет, мне не следовало приходить.

Шпионить за ним – да, но оставаться рядом – нет. И я хотел было поспешно уйти.

Он пришел в ярость. Его голос резко зазвенел в огромном пустом зале:

– Нечестно с твоей стороны – уходить вот так! Я бы даже сказал – непристойно! Разве у тебя нет чести? А если не осталось чести, то где твое воспитание?

Он резко замолчал, потому что меня там больше не было, я словно в воздухе растворился, а он остался один в огромном холодном музее и разговаривал сам с собой.

Мне было стыдно, но я не мог вернуться, ибо был слишком зол и обижен, хотя на что – сам не знаю. Что я сделал с этим человеком! Как бы меня отругал Мариус!

Я часами скитался по Амстердаму, украл плотную писчую бумагу, которая мне особенно нравилась, и автоматическую ручку с тонким пером и вечным запасом черных чернил, потом нашел шумный, подозрительного вида кабачок в старом районе красных фонарей, полном размалеванных женщин и молодых наркоманов; в таком заведении можно спокойно посидеть и написать письмо Дэвиду – никто тебя не потревожит, пока перед тобой стоит кружка пива.

Я не знал, что именно буду писать, знал только, что должен как-то извиниться за свое поведение и объяснить, что при виде людей на том портрете кисти Рембрандта в моей душе что-то дрогнуло; и я поспешно и устало написал следующую своего рода повесть.

«Ты прав. Я ушел от тебя возмутительным образом. Еще хуже – как трус. Обещаю, когда мы встретимся в следующий раз, я дам тебе возможность высказать мне все, что захочешь.

У меня возникла собственная теория насчет Рембрандта. Я много часов провел за изучением его картин по всему миру – в Амстердаме, в Чикаго, в Нью-Йорке, где бы я их ни находил, – и я действительно считаю, как уже сказал, что такого множества великих душ, какое изображено на картинах Рембрандта, существовать не могло.

Вот и вся моя теория, но, пожалуйста, имей в виду, что она вмещает в себя все необходимые элементы. И эта особенность всегда была мерилом ценности теорий… пока слово “наука” не начало означать то, что означает сейчас.

Я считаю, что Рембрандт еще молодым человеком продал душу дьяволу. Простая сделка. Дьявол пообещал сделать Рембрандта самым знаменитым художником своего времени. Дьявол посылал Рембрандту толпы смертных для написания их портретов. Он дал Рембрандту богатство. Он дал ему очаровательный домик в Амстердаме, жену, позднее – любовницу, ибо был уверен, что в конце концов получит душу Рембрандта.

Но встреча с дьяволом изменила Рембрандта. Увидев такое неоспоримое доказательство существования зла, он стал одержим вопросом: “Что такое добро?” В своих моделях он искал их внутреннее божественное начало, и, к своему изумлению, находил его искру даже в лицах самых недостойных людей.

Он был настолько одарен – однако дар свой он получил не от дьявола, а от природы, – что не только видел добро, но и умел написать его; своим знанием добра и верой в него он мог рисовать, как краской.

С каждым портретом Рембрандт все глубже проникал в красоту и добро человечества. Он понимал, что способность к состраданию и мудрости содержится в каждой душе. С течением времени его мастерство возрастало: налет неопределенности становился все неуловимее, индивидуальность каждого человека проявлялась все более ярко, а каждая работа, исполненная величия и покоя, приводила в восхищение.

В конце концов лица на портретах перестали быть лицами из плоти и крови. Они стали ликами души, отражением того, что скрыто внутри каждого мужчины и каждой женщины; визуальным воплощением того, чем был или мог бы стать тот или иной человек в свой славный час.

Поэтому купцы из цеха суконщиков похожи на старейших и мудрейших святых.

Но нигде эта духовная глубина и понимание не проявляются четче, чем в автопортретах Рембрандта, а он, как ты, безусловно, знаешь, оставил их сто двадцать два.

Почему так много, как ты думаешь? Они были его личной мольбой к Богу, попыткой обратить его внимание на себя – на человека, который, наблюдая за себе подобными, претерпел полную религиозную трансформацию.

“Вот как я вижу”, – говорил Рембрандт Богу.

Под конец жизни Рембрандта у дьявола зародились подозрения. Он не хотел, чтобы его слуга создавал такие великолепные картины, исполненные теплоты и добра. Он считал голландцев материалистичным и оттого светским народом. А здесь, на картинах, изобилующих богатой одеждой и дорогими вещами, блистало неоспоримое доказательство того, что люди отличаются от всех прочих животных, населяющих космос, – они представляют собой бесценную смесь плоти и бессмертного огня.

Вот почему дьявол обрушил на Рембрандта множество невзгод. Художник потерял свой красивый дом на Йоденбрестраат. Он потерял любовницу и даже сына. Но продолжал писать без тени горечи или порока, наполнять свои картины любовью.

И вот наконец Рембрандт оказался на смертном ложе. Дьявол радостно примчался к нему, готовый схватить и ущипнуть своими злыми пальчиками душу. Но ангелы и святые воззвали к Богу о вмешательстве.

“Кто во всем свете знает о добре больше, чем он? – вопрошали они, указывая на умирающего Рембрандта. – Кто показал больше, чем этот художник? Когда мы хотим увидеть божественное начало человека, мы обращаемся к его картинам”.

И Бог разорвал сделку Рембрандта с дьяволом. Он забрал душу Рембрандта себе, а дьявол, которого по тем же самым причинам не так давно обвел вокруг пальца Фауст, был вне себя от ярости.

И он захотел похоронить жизнь Рембрандта в безвестности. Он позаботился о том, чтобы все личные вещи и записи этого человека поглотил великий поток времени. И естественно, поэтому нам так мало известно о настоящей жизни Рембрандта, о том, что он был за человек.

Но дьявол не смог распорядиться судьбой его картин. Как он ни старался, ему не удалось заставить людей жечь их, выбрасывать или отставлять в сторону ради новых, более модных художников. Фактически же произошла удивительная вещь, и непонятно, когда это началось. Рембрандт стал самым популярным художником на свете; Рембрандт стал величайшим художником всех времен.

Такова моя теория о Рембрандте и тех лицах на его полотне.

Так вот, именно на эту тему я бы написал роман о Рембрандте, будь я смертным. Но я не смертный. Мне не спасти душу искусством или добрыми делами. Я похож на дьявола, но с одним отличием: я люблю картины Рембрандта!

Но при взгляде на них сердце мое разрывается. И чуть не разорвалось, когда я увидел тебя в музее. И ты совершенно прав: не бывает у вампиров лиц, как у святых из цеха суконщиков.

Вот почему я так внезапно покинул тебя в музее. Это не ярость дьявола. Это просто грусть.

Я еще раз обещаю тебе, что во время нашей следующей встречи я дам тебе возможность высказать все, что ты захочешь».

Внизу я нацарапал телефон моего агента в Париже и почтовый адрес – я делал это в каждом письме к Дэвиду, но Дэвид никогда не отвечал.

После этого я отправился в своего рода паломничество, заново посетив все величайшие собрания мира, хранящие полотна Рембрандта. В своих странствиях я не увидел ничего, что могло бы поколебать мою веру в добродетель Рембрандта. Но я снова преисполнился решимости больше Дэвида не беспокоить.

Потом мне привиделся сон: тигр, тигр… Дэвид в опасности… Вздрогнув, я проснулся в своем кресле в старом доме Луи, как будто меня потрясла чья-то предупреждающая рука.

Ночь в Англии подходила к концу. Нужно было торопиться. Но когда я наконец отыскал Дэвида, он сидел в старинном деревенском кабачке в Котсуолде.

Эта деревня, куда вела лишь одна узкая и опасная дорога, располагалась неподалеку от усадьбы его предков. В ней была всего одна улица, застроенная еще в шестнадцатом веке, и единственная гостиница, благосостояние которой полностью зависело от непостоянных в своих вкусах туристов. Прочитав мысли жителей, я быстро выяснил, что Дэвид восстановил ее из своего кармана и все чаще и чаще находит здесь убежище от лондонской жизни.

Абсолютно сверхъестественное местечко!

Однако Дэвид всего лишь попивал свой любимый солодовый шотландский виски и рисовал на салфетках дьявола. Мефистофель со своей лютней? Рогатый Сатана, танцующий под луной? Должно быть, его уныние смогло коснуться меня за многие мили, а точнее, я ощутил озабоченность тех, кто находился рядом с ним, – ведь в их мыслях я уловил его образ.

Мне так хотелось с ним поговорить. Но я не осмелился. Я бы наделал слишком много шума в этом маленьком кабачке, где расстроенный старый владелец и два его неуклюжих молчаливых племянника, покуривая пахучие трубки, все еще бодрствовали исключительно по случаю царственного визита местного лорда – который и напивался, как лорд.

Целый час я простоял там, заглядывая в окошко. А потом ушел.

Теперь же – много-много месяцев спустя – на Лондон падал снег, большие снежинки тихо опускались на высокое здание Обители Таламаски, а я искал его, усталый и унылый, думая, что из всего мира я должен увидеться только с ним. Я исследовал мысли членов ордена – как спящих, так и бодрствующих. Я их взбудоражил и отчетливо услышал, как просыпается их бдительность, – так же ясно, как если бы они включили свет, вскакивая с постели.

Но я уже получил что хотел.

Дэвид уехал в свою усадьбу в Котсуолд, в ту, что находится поблизости от удивительной деревушки со старинным кабачком.

Ну что ж, я, несомненно, смогу ее найти. И я отправился на поиски.

Валил тяжелый снег. Замерзший и злой, я понесся низко над землей; от выпитой крови не осталось даже воспоминания.

Как всегда в разгар жестокой зимы, ко мне вернулись другие сны – о злых снегах моего смертного детства, о промерзших каменных залах в отцовском замке, о маленьком камине и об огромных мастифах, храпящих рядом на сене, обеспечивая мне уют и тепло.

Эти собаки погибли во время моей последней охоты на волков.

Я терпеть не мог вспоминать об этом, и все-таки мне всегда было приятно мечтать, что я снова дома, где пахнет камином и могучими псами, свернувшимися возле меня, что я жив, по-настоящему жив, что охоты вообще не было; о том, что я не уехал в Париж и не ввел в соблазн могущественного помешанного вампира Магнуса. В комнатушке с каменными стенами приятно пахло собаками, и я в полной безопасности спал рядом с ними.

Наконец я добрался до небольшого поместья в стиле эпохи королевы Елизаветы и увидел очень красивое каменное здание с крутыми крышами и узкими фронтонами, с застекленными окнами в глубоких нишах – меньшего размера, чем в Обители, но для такого дома – просто огромными.

Только в одной комнате горел свет. Это оказалась библиотека. Возле большого камина, в котором громко трещали дрова, я увидел Дэвида.

В руках он держал знакомую кожаную записную книжку и что-то быстро писал в ней обычной перьевой ручкой, даже не чувствуя, что за ним наблюдают. Периодически он заглядывал в другую книгу в кожаном переплете, лежавшую на столе. Я с легкостью определил, что это христианская Библия: две колонки мелкого шрифта, золотой обрез и ленточка в качестве закладки.

Почти без усилий я рассмотрел, что Дэвид читает Книгу Бытия и, очевидно, делает заметки. Рядом лежал экземпляр «Фауста». Что же, черт возьми, так его заинтересовало?

Вся комната была заставлена книгами. За плечом у Дэвида горела маленькая лампа. В северных странах много таких библиотек – уютных, манящих, с низкими балками потолка и большими удобными кожаными креслами.

Но эта библиотека отличалась от остальных наличием в ней свидетельств жизни, проведенной совсем в других краях, – драгоценных напоминаний о прожитых годах.

Над пламенеющим камином подвешена пятнистая голова леопарда. На правой стене, в противоположном конце, – огромная черная бизонья голова. На полках и столах – многочисленные индийские бронзовые статуэтки. На коричневом ковре возле очага, у двери и под окнами – маленькие индийские коврики, словно разбросанные драгоценные камни.

В самом центре комнаты растянулась длинная огненная шкура бенгальского тигра; голова ее со вставленными стеклянными глазами прекрасно сохранилась, а эти огромные клыки я с ужасающей реальностью уже видел во сне.

Дэвид вдруг обернулся и долго смотрел пристальным взглядом на этот трофей, потом словно против воли отвел глаза и вернулся к прерванному занятию. Я попробовал заглянуть в его мысли. Ничего. Можно было не стараться. Ни единого намека на мангровый лес, в котором мог погибнуть подобный зверь. Но он опять взглянул на тигра и, забыв о ручке, глубоко погрузился в размышления.

Мне, как всегда, доставляло удовольствие просто наблюдать за ним. Я обратил внимание на множество фотографий в рамках – на них был запечатлен молодой Дэвид; многие явно были сделаны в Индии – перед красивым бунгало с просторным крыльцом и высокой крышей. Здесь же – фотографии его родителей, снимки его самого с убитыми животными. Объясняет ли это мой сон?

Я даже не заметил, как снег засыпал мои волосы, плечи, скрещенные руки… Наконец я сбросил с себя оцепенение. До рассвета оставался только час.

Я обошел дом, нашел черный ход, скомандовал щеколде отодвинуться и вошел в теплый маленький холл с низким потолком. Вокруг – старое дерево, насквозь пропитанное лаком или маслом. Я тронул руками косяки двери, и передо мной промелькнуло видение огромного дубового леса, залитого солнцем, а потом остались только тени. До меня донесся запах далекого костра.

И тогда я увидел, что в противоположном конце холла стоит Дэвид и приглашает меня войти. Мой внешний вид, однако, почему-то его встревожил. Ну да, конечно, я же весь в снегу и даже покрыт корочкой льда.

Мы вместе вошли в библиотеку, и я устроился прямо напротив его кресла. Дэвид ненадолго покинул меня. Я уставился в огонь, чувствуя, как тает на мне липкий снег, и размышлял о том, зачем я пришел и как облечь это в слова. Мои руки были такими же белыми, как снег.

Появившись снова, Дэвид протянул мне большое теплое полотенце, я взял его и вытер лицо, волосы, а потом – руки. Как же это приятно.

– Спасибо, – поблагодарил я Дэвида.

– Ты был похож на статую, – ответил он.

– Да, я и вправду теперь похож на статую. Я ухожу.

– О чем ты? – Он сел напротив меня. – Объясни.

– Я собираюсь уединиться где-нибудь. Кажется, я придумал способ с этим покончить. Но все не так просто.

– Зачем тебе это нужно?

– Я больше не хочу жить. Эта часть как раз несложная. Я не стремлюсь к смерти так, как ты. Дело не в этом. Сегодня вечером я… – Я замолчал. Мне вспомнилась старушка в цветастом халате на аккуратно застеленной стеганым нейлоном кровати. А потом – странный молодой человек с коричневыми волосами, который следил за мной, а потом подошел на пляже и передал рассказ, до сих пор лежавший скомканным у меня в кармане.

Все это уже не имеет смысла. Кто бы он ни был, он пришел слишком поздно.

И незачем вдаваться в объяснения.

Внезапно я увидел Клодию, как будто она стояла на пороге другого измерения, смотрела на меня и ждала, пока я ее замечу. Как ловко наш разум умеет вызывать такие реальные видения! Она стояла возле письменного стола Дэвида, скрываясь в тени. Клодия, всадившая свой длинный нож мне в грудь: «Я положу тебя в гроб, отец…» Но ведь я теперь постоянно вижу Клодию. Она мне снится, снится, снится…

– Не нужно, – сказал Дэвид.

– Пора, Дэвид, – прошептал я со смутной, возникшей где-то в глубине сознания мыслью о том, как будет разочарован Мариус.

Услышал ли меня Дэвид? Наверное, я говорил слишком тихо. Из камина послышался негромкий треск – возможно, рассыпались сгоревшие дрова или огонь добрался до таившейся в сердцевине сочной влаги. Я снова увидел холодную спальню своего детства, и внезапно мне показалось, будто я обнимаю одну из своих ленивых, любящих, больших собак. Наблюдать, как волк убивает собаку… Чудовищное зрелище!

Лучше бы я в тот день умер. Даже самому лучшему охотнику не по силам уничтожить стаю волков. Возможно, в этом и состояла космическая ошибка. И если между всеми этими событиями на самом деле существует какая-то связь, то мне было суждено уйти, но я осмелился перехитрить судьбу и попался на глаза дьяволу. «Убийца Волков», – с какой любовью произносил эти слова вампир Магнус, пока нес меня в свое логово!

Дэвид откинулся в кресле, рассеянно поставил одну ногу на каминную решетку и смотрел в огонь. Он был глубоко расстроен, даже в панике, хотя очень хорошо это скрывал.

– Это не будет больно? – спросил он, обернувшись.

Сначала я даже не понял, о чем речь. Но потом вспомнил. И усмехнулся.

– Я пришел проститься и узнать, уверен ли ты, что принял правильное решение. Мне почему-то казалось, что следует сообщить тебе о том, что я ухожу и что это твой последний шанс. Все происходящее показалось мне вдруг забавным. Ты пойдешь за мной? Или ты считаешь, что это просто новый предлог? Впрочем, какая теперь разница?

– Как Магнус в твоей книге, – сказал он. – Ты сделаешь себе наследника и уйдешь в огонь.

– Это была не просто книга, – ответил я, вовсе не собираясь спорить и недоумевая, почему мои слова звучат, как будто я пытаюсь что-то ему доказать. – Ну да, возможно, что-то в этом роде. Честно говоря, я не знаю.

– Зачем тебе убивать себя? – в голосе его слышалось отчаяние.

Как много зла принес я этому человеку!

Я посмотрел на распластанную тигровую шкуру с великолепными черными полосами на рыжем фоне густой шерсти.

– Это был людоед, да? – спросил я.

Он заколебался, словно не до конца понял вопрос, потом, очнувшись, кивнул.

– Да. – Бросив взгляд на тигра, он снова перевел его на меня. – Я не хочу, чтобы ты это делал. Бога ради, подожди. Не нужно. Почему сегодня, почему не в другую ночь?

Мне невольно стало смешно.

– Сегодня ночь подходящая. Нет, я ухожу. – Внезапно я осознал, что решился всерьез, и ужасно обрадовался. Будь это просто фантазией, я не смог бы ему рассказать. – Я придумал метод. Незадолго до восхода солнца я поднимусь как можно выше. В этом случае мне не удастся найти укрытие. Земля в той пустыне очень твердая.

И я умру в огне. Не от холода и в окружении волков, как на горе. От жара, как Клодия.

– Нет, не нужно. – Как серьезно, убедительно произнес он это. Но тщетно.

– Хочешь получить кровь? – спросил я. – Это не займет много времени. И почти не причинит тебе боли. Я убежден, что остальные тебя не тронут. Я сделаю тебя таким сильным, что любая их попытка будет обречена на провал.

И вновь я поступал совсем как Магнус, который оставил меня сиротой, даже не предупредив об опасности, грозящей со стороны Армана и его древней общины, – о том, что они станут меня преследовать, проклянут и попытаются положить конец моей юной жизни. Но Магнус-то знал, что выиграю я.

– Лестат, мне не нужна кровь. Но я хочу, чтобы ты остался. Послушай, подари мне еще несколько ночей. Всего только несколько. Во имя дружбы, Лестат, останься у меня. Разве ты не можешь уделить мне эти немногие часы. И тогда, если ты по-прежнему будешь настаивать на своем, я больше не стану спорить.

– Почему?

Пораженный, казалось, моим вопросом, он ответил:

– Дай мне возможность поговорить с тобой, убедить тебя изменить свое решение.

– Ты убил тигра совсем молодым, да? Это было в Индии? – Я осмотрел остальные трофеи. – Я видел этого тигра во сне.

Он не ответил. Вид у него был взволнованный и растерянный.

– Я причинил тебе много зла, – продолжал я. – Я заставил тебя углубиться в воспоминания молодости. Я дал тебе понять, что такое время, а раньше ты его практически не ощущал.

Он изменился в лице, но вновь покачал головой, хотя мои слова его явно ранили.

– Дэвид, возьми мою кровь, пока я еще здесь, – отчаянно прошептал я. – Тебе и года не осталось. Рядом с тобой я слышу это совершенно отчетливо! У тебя очень слабое сердце.

– Ты не можешь этого знать, друг мой, – терпеливо возразил он. – Останься здесь, со мной. Я расскажу тебе о тигре и о днях, проведенных в Индии. О том, как я охотился в Африке, а один раз – на Амазонке. Это были настоящие приключения. Тогда я еще не был затхлым ученым, как теперь…

– Знаю, – улыбнулся я. Никогда прежде он так со мной не разговаривал, никогда не предлагал так много. – Слишком поздно, Дэвид. – Я опять увидел сон. Увидел тонкую золотую цепочку на шее Дэвида. Тигр нацелился на цепочку? Ерунда какая-то. Важным остается только чувство опасности.

Я внимательно присмотрелся к лежавшей на полу шкуре – тигриная морда выражала беспредельную злобу.

– Весело было убивать тигра? – спросил я.

После минутного колебания он выдавил:

– Это был людоед. Он ел детей. Да, можно сказать – весело.

– Отлично, значит у нас с тигром есть кое-что общее, – с тихим смешком откликнулся я. – Да и Клодия меня ждет.

– Ты же в это не веришь, правда?

– Нет. Думаю, если бы я верил, то боялся бы смерти. – Я живо представил себе Клодию… овальная миниатюра на фарфоре: золотые волосы, синие глаза. Несмотря на слащавые цвета и овальную рамку, в выражении лица – что-то неподдельно искреннее и неистовое. Разве у меня был когда-то такой медальон? А в том, что это именно медальон, я не сомневался. Медальон… Меня охватила дрожь. Я вспомнил, какие у нее волосы на ощупь. Опять она оказалась рядом. Стоит повернуться – и я увижу ее в тени, увижу ее руку на спинке моего кресла. Я действительно обернулся… Ничего. Еще немного, и я перестану владеть собой, если не уйду отсюда.

– Лестат! – настойчиво окликнул Дэвид, изучая меня внимательным взглядом и отчаянно пытаясь придумать, что бы еще сказать. Он указал на мой пиджак: – Что у тебя в кармане? Ты написал записку? Собираешься оставить ее мне? Позволь я прочитаю.

– Ах, это! Это один странный рассказик. Держи, я тебе его завещаю, запихни его куда-нибудь на полку – ему место в библиотеке.

Я вынул сложенный пакет и взглянул на него.

– Да, я его читал. Довольно забавно. – Я кинул пакет ему на колени. – Мне его дал какой-то ненормальный, какой-то несчастный, скитающийся по ночам смертный, который знал, кто я такой, и у которого хватило мужества швырнуть это к моим ногам.

– Объясни поподробнее, – сказал Дэвид. Он развернул листки бумаги. – Зачем ты это с собой носишь? О господи, Лавкрафт! – Он покачал головой.

– Так я уже объяснил, – ответил я. – Бесполезно, Дэвид, тебе не удастся меня отговорить, заставить отойти от края утеса. Я ухожу. К тому же эта история – сплошная ерунда. Несчастный псих…

Его глаза так необычно блестели… И он как-то странно бежал ко мне по песку. А это неловкое паническое бегство? Все его поведение свидетельствовало о важности поступка. Глупости. Мне все равно, меня это совершенно не интересует! Я знал, что должен делать.

– Лестат, останься! – воскликнул Дэвид. – Ты обещал, что во время нашей следующей встречи ты дашь мне возможность высказаться до конца. Ты написал это в письме, Лестат, помнишь? Ведь не возьмешь же ты свои слова обратно?!

– Придется взять, Дэвид. Ты меня прости, ведь я ухожу. Возможно, нет ни ада, ни рая и мы увидимся на той стороне.

– А что, если есть? Что тогда?

– Ты слишком много времени уделяешь Библии. Почитай рассказ Лавкрафта. – Я коротко рассмеялся и указал на листки в его руках: – Это полезнее для твоего душевного спокойствия. И, ради бога, держись подальше от «Фауста». Ты серьезно думаешь, что в финале придут ангелы и заберут нас с собой? Ну, не меня, конечно, а тебя.

– Не уходи, – произнес он таким тихим, умоляющим голосом, что у меня перехватило дыхание.

Но я уже удалялся от него.

– Лестат, ты мне нужен! Ты мой единственный друг!

Я едва расслышал его исполненный трагизма зов. Мне хотелось извиниться, попросить прощения за все. Но было уже слишком поздно. Кроме того, думаю, он и так все понимал.

В холодном мраке я взлетел вверх, рассекая падающий снег. Любое проявление жизни казалось мне в тот момент невыносимым – как ее ужасы, так и ее великолепие. Крошечный дом внизу выглядел теплым – на белую землю лился свет, из трубы поднималось тонкое колечко голубого дыма.

Я вспомнил одинокие прогулки Дэвида по Амстердаму, а потом – лица на полотнах Рембрандта. И увидел лицо Дэвида в библиотеке у камина. Он походил на человека кисти Рембрандта. Сколько я его знал, он всегда казался именно таким. А как выглядим мы, навеки сохранившие облик, присущий нам в тот момент, когда в наши вены полилась Темная Кровь? Несколько десятков лет Клодия оставалась девочкой с фарфоровой миниатюры. А я подобен статуе Микеланджело – белый, как мрамор. И такой же холодный.

Я знал, что сдержу слово.

Но, понимаете ли, во всем этом крылась ужасная ложь. На самом деле я не верил, что солнце по-прежнему способно меня убить. Что ж, именно это я и собирался проверить.

Глава 3

Пустыня Гоби.

Много миллионов лет назад, в так называемую доисторическую эпоху, в этой странной части света вымерли тысячи гигантских ящеров. Никто не знает, откуда они взялись и почему погибли. Может быть, здесь располагалось царство тропических деревьев и необъятных болот, отравлявших все вокруг своими испарениями? Мы не знаем. Сегодня здесь только пустыня и миллионы миллионов ископаемых останков, свидетельствующих о существовании когда-то огромных рептилий, при каждом шаге которых содрогалась земля.

Вот почему пустыня Гоби представляет собой не что иное, как невероятных размеров кладбище и вполне подходит для того, чтобы здесь я посмотрел в глаза солнцу. Я долго лежал на песке, дожидаясь восхода солнца, в последний раз собираясь с мыслями.

Весь фокус заключался в том, чтобы подняться до самого крайнего слоя атмосферы, прямо до рассвета, так сказать. Потом я потеряю сознание и рухну вниз, окутанный страшным жаром, и от сильного удара о поверхность пустыни тело мое разобьется. Как же тогда оно сможет зарыться в землю, как сделало бы по собственной порочной воле, оставайся я целым и невредимым лежать на мягком грунте?

Кроме того, если взрыв света окажется достаточно сильным, чтобы сжечь мое обнаженное тело высоко над землей, я, возможно, умру еще до того, как мои останки падут на жесткое песчаное ложе.

В то время это представлялось мне хорошей идеей. Ничто не могло бы меня переубедить. Но интересно, знают ли о моих намерениях остальные бессмертные и до какой степени их беспокоит моя судьба, если, конечно, она вообще их заботит. Стоит ли говорить, что они не получили от меня ни прощальных посланий, ни даже отрывочных видений и образов относительно того, что я собирался предпринять.

Наконец по пустыне расползлось предрассветное тепло. Я встал на колени, сорвал с себя одежду и начал вознесение; первый слабый луч уже жег мне глаза.

Я поднимался выше и выше, далеко преодолев тот рубеж, на котором мое тело обычно останавливалось и начинало плыть по собственному усмотрению. Воздух стал настолько разреженным, что я уже не мог дышать и с трудом удерживался в пространстве.

Потом появился свет – такой необъятный, горячий и слепящий, что, казалось, я не только вижу его, но и слышу его оглушительный рев. Все вокруг было объято желто-оранжевым пламенем. И я смотрел прямо в это пламя, хотя ощущение было такое, будто мне в глаза льют кипяток. Кажется, я раскрыл рот, чтобы глотнуть божественного огня! Солнце принадлежало мне! Я увидел его, я потянулся к нему… И тогда свет облил меня расплавленным свинцом, парализуя движения, причиняя невыносимую боль, и я услышал собственный вопль. Однако я по-прежнему не отводил взгляд и все еще не падал!

Я бросаю вам вызов, Небеса! И внезапно не осталось ни слов, ни мыслей. Я вращался и плыл в пространстве. Мрак и холод окружили меня со всех сторон – я потерял сознание, и падение началось.

Слышен был лишь рев стремительно проносящегося мимо воздуха, но мне чудилось, что сквозь него долетают обращенные ко мне призывы остальных, и в жутком многозвучии я отчетливо разобрал голос ребенка.

А дальше – ничего…

Мне снится сон?

Мы находились в небольшом помещении, в больнице, пропахшей немощью и смертью, я указывал на кровать, на лежавшего там ребенка, бледного, маленького, полумертвого.

Послышался резкий всплеск смеха. Я ощутил запах масляной лампы в тот момент, когда затухает фитиль.

– Лестат, – произнесла она. Какой красивый голосок.

Я попытался рассказать о замке моего отца, о падающем с неба снеге, о собаках, которые меня ждут. Вот куда мне хотелось уйти. И вдруг я их услышал – гулкий рыкающий лай мастифов, эхом разносящийся среди заснеженных холмов, – и я почти воочию увидел башни самого замка.

Но потом она сказала:

– Еще рано.

Когда я очнулся, снова стояла ночь. Я лежал в пустыне. Ветер, разметавший дюны, покрыл мое тело тонким песчаным туманом. Боль ощущалась везде – болели даже корни волос. Так сильно, что я не мог заставить себя пошевелиться.

Я неподвижно пролежал несколько часов, лишь иногда издавая тихие стоны. Однако мое состояние оставалось прежним. Но стоило мне пошевелиться, песок превращался в мельчайшие осколки стекла, врезающиеся мне в спину, в икры и в пятки.

Я вспоминал всех, кого мог бы позвать на помощь. Но никого не позвал. Лишь постепенно до меня дошло, что если я останусь здесь, то, естественно, опять взойдет солнце, которое вновь настигнет и опять обожжет меня. И тем не менее я, вполне вероятно, не умру.

Придется остаться, не так ли? Какой трус теперь станет искать укрытие?

Но хватило и одного взгляда на мои ладони, чтобы понять – смерть мне не грозит. Да, я обгорел, да, кожа стала коричневой, сморщилась и пылала от боли. Но о смерти и речи быть не могло.

Наконец я перевернулся и попробовал охладить лицо в песке, однако это не принесло облегчения.

Чуть позже я почувствовал, как восходит солнце. Оранжевый свет постепенно затопил весь мир, и я разрыдался. Сначала я ощутил боль в спине, потом словно вспыхнула голова, и казалось, она вот-вот взорвется, а глаза буквально пожирало пламя. К тому моменту, когда меня охватил мрак забвения, я был безумен, абсолютно безумен.

Проснувшись на следующий вечер, я почувствовал во рту песок; песок покрывал все мое агонизирующее тело. Судя по всему, в припадке безумия я похоронил себя заживо.

В таком положении я оставался несколько часов, и все это время в голове стучала только одна мысль: ни одно существо не в силах вынести такую боль.

В конце концов я, по-звериному поскуливая, выбрался на поверхность, кое-как поднялся на ноги – каждое движение неизмеримо усиливало боль – и приказал себе взлететь. Медленно взмыв в воздух, я поплыл на запад, в ночь.

Сила моя ничуть не уменьшилась – остались только серьезные, но поверхностные раны на теле.

Ветер оказался бесконечно нежнее песка. Тем не менее он принес с собой новую пытку, словно пальцами поглаживая мою обожженную кожу и дергая за обгорелые волосы; он щипал сожженные веки, царапал опаленные колени.

Несколько часов я осторожно плыл по воздуху, приказав себе вернуться в дом Дэвида. Холодный мокрый снег, сквозь который мне пришлось спускаться, на несколько секунд принес невыразимое облегчение.

В Англии вот-вот должно было наступить утро.

Я снова вошел через черный ход, каждый шаг был мучительным испытанием. Почти вслепую я отыскал библиотеку и, не обращая внимания на боль, опустился на колени и рухнул на тигровую шкуру.

Я положил голову рядом с головой тигра, прижался щекой к открытой пасти. Какой тонкий мех! Положив руки на его лапы, я ощутил запястьями прикосновение гладких твердых когтей. Боль стреляла волнами. Мех был шелковистым, в комнате царили полумрак и прохлада. И в слабых проблесках безмолвных видений возникли леса Индии, я разглядел темные лица и услышал далекие голоса. На какое-то мгновение передо мной возник молодой Дэвид, каким я видел его во сне.

Он казался настоящим чудом – живой молодой человек из плоти и крови, обладающий столь удивительными достоинствами, как глаза, бьющееся сердце и по пять пальцев на каждой длинной тонкой руке.

Я увидел себя в Париже, еще живым. В красном бархатном плаще, отороченном мехом убитых мною в родной Оверни волков, я шел куда-то, даже не подозревая о возможности присутствия совсем рядом неких существ, которые способны влюбиться в тебя просто потому, что ты молод, и которые способны отнять твою жизнь из любви к тебе и еще потому, что ты уничтожил целую стаю волков…

Дэвид, охотник! В перетянутом ремнем хаки, с великолепным ружьем.

Я чувствовал, как боль постепенно ослабевает. Добрый старый Лестат, бог, исцеляющийся со сверхъестественной скоростью. Все тело словно пылало. Казалось, вся комната освещена исходящим от меня теплым светом.

До меня донесся запах смертного. В комнату вошел слуга и тут же стремительно выскочил обратно. Бедняга. Даже в полудремотном состоянии я не мог удержаться от внутреннего смеха, представив себе ту картину, которую он увидел: в темной комнате на шкуре тигра валяется голый темнокожий мужчина с копной нечесаных светлых волос.

Внезапно я уловил запах Дэвида и опять услышал знакомый тихий рев крови в смертных венах. Кровь!.. Меня мучила нестерпимая жажда. Спаленная кожа и обожженные глаза требовали крови.

Меня накрыли мягким фланелевым одеялом, очень легким и прохладным на ощупь. Затем послышались негромкие звуки. Дэвид задергивал тяжелые бархатные шторы на окнах, чего никогда прежде не делал – даже зимой. Он старательно расправлял их, чтобы сквозь щели не проникал свет.

– Лестат, – прошептал он. – Давай, я отнесу тебя в подвал, там ты наверняка будешь в безопасности.

– Это не имеет значения, Дэвид. Можно, я останусь в этой комнате?

– Да, конечно, оставайся.

Ах, как он заботлив!

– Спасибо, Дэвид.

Я снова начал засыпать и вновь увидел снег, влетающий в окна моей комнаты в замке… Но вдруг картина разительно изменилась: передо мной оказалась маленькая больничная койка, на которой лежал ребенок; слава богу, что сиделка ушла успокоить другого малыша – он плакал. О, какие ужасные, отвратительные звуки! Ненавижу! Мне хотелось оказаться… И где же? Конечно же дома, в разгар французской зимы.

На этот раз масляные лампы не тушили, а, наоборот, зажигали.

– Я же говорила, что еще рано. – Какое на ней белоснежное платье с крохотными жемчужными пуговками! А какой венок из роз на голове!

– Но почему?

– Что ты сказал? – спросил Дэвид.

– Это я Клодии, – объяснил я.

Она сидела в миниатюрном креслице, вытянув вверх ножки. Кажется, на ней были атласные туфельки. Схватив ее за лодыжку, я прижался к ней губами, а она смеялась, запрокинув

голову, так что мне виден был только ее подбородок и кончики ресниц. Какой прелестный и заразительный смех!

– Там, снаружи, кто-то из ваших, – сказал Дэвид.

Превозмогая боль, я открыл глаза и с трудом разглядел нечеткие очертания комнаты. Вот-вот должно было взойти солнце. Пальцы мои коснулись тигриных когтей. Бесценный зверь. Дэвид стоял у окна и сквозь крошечную щелку между полотнищами штор выглядывал на улицу.

– Вон там, – продолжал он. – Они пришли убедиться, что с тобой все в порядке.

Подумать только!

– Кто там? – Я их не слышал, да и не хотел слышать. Интересно, кто это – Мариус? Конечно не древнейшие. С чего им обо мне волноваться?

– Не знаю, – ответил он. – Но они там.

– Тебе же все известно, – прошептал я. – Не обращай внимания, и они уйдут. В любом случае уже почти утро. Им придется уйти. Не беспокойся, они не причинят тебе вреда, Дэвид.

– Знаю.

– Не смей читать мои мысли, раз не позволяешь мне читать твои.

– Не злись. Никто не войдет в эту комнату, никто тебя не побеспокоит.

– Да, я опасен даже во сне… – Я хотел добавить еще что-то, предостеречь его, но потом осознал, что этому смертному меньше, чем кому-либо другому, требуются мои предостережения. Это же Таламаска. Исследователи паранормальных явлений. Он и без меня все знает.

– Теперь спи, – сказал он.

Нет, это просто смешно. Что мне еще делать, когда восходит солнце? Даже если оно светит прямо мне в лицо. Но его голос звучал твердо и убедительно.

Подумать только, в былые времена у меня всегда был гроб, иногда я медленно полировал его, пока дерево не начинало ярко блестеть; тогда я натирал маленькое распятие на крышке, улыбаясь про себя той заботе, с которой я надраивал перекошенное тельце мученика Христа, Сына Божьего. Мне нравилась атласная внутренняя обивка гробов. Мне нравилась их форма, и я любил с наступлением сумерек восставать из мертвых. Однако все это осталось в прошлом…

Солнце действительно всходило – холодное зимнее английское солнце. Я отчетливо ощущал его приближение и внезапно испугался. Я чувствовал, как свет крадется по земле и ударяет в окна. Но по эту сторону бархатных штор по-прежнему царила темнота.

Я увидел, как ярко вспыхнуло пламя в масляной лампе. Оно вызвало во мне страх только лишь потому, что это был огонь, а меня мучила нестерпимая боль. Я увидел ее пальчики, крепко сжимающие ключ, и кольцо – то, что я подарил ей, с крошечным бриллиантом в оправе из жемчуга. А как же медальон? Стоит ли спрашивать ее про медальон?

«Клодия, у нас когда-нибудь был золотой медальон?..»

Фитиль в лампе подкручивают все выше и выше. Опять тот же запах. Ее рука с ямочками. Вся квартира на Рю-Рояль пропахла маслом. Я вижу старые обои и красивую мебель ручной работы… Луи пишет за своим столом… резкий запах черных чернил, глухое царапанье пера…

Ее ручка гладила меня по щеке, восхитительно холодная, и меня охватил внутренний трепет – я испытывал его каждый раз, ощущая прикосновение кого-нибудь из себе подобных… прикосновение нашей кожи.

– Зачем кому-то нужно, чтобы я жил?.. – спросил я. Точнее, я хотел задать этот вопрос, но, едва начав, провалился в небытие…

Глава 4

Сумерки. Боль оставалась по-прежнему мучительной. Не было желания даже двигаться. Кожа на груди и ногах натягивалась и зудела, но это только добавляло разнообразия болевым ощущениям.

Даже яростная, неистовая жажда крови и запах смертных слуг не могли заставить меня двигаться. Я знал, что Дэвид рядом, но не заговорил с ним. Мне казалось, что стоит мне произнести хоть слово, и я заплачу от боли.

Я спал и знал, что вижу сны, но, открывая в очередной раз глаза, не мог ничего вспомнить. Я опять видел масляную лампу, и свет пугал меня. Как и ее голос.

Один раз я проснулся от того, что разговаривал с ней вслух.

– Почему именно ты? Почему ты мне снишься? Где твой чертов нож?

Я радовался наступлению рассвета. Иногда я вынужден был даже затыкать рот рукой, чтобы не закричать от боли.

Когда я проснулся на следующую ночь, боль немного утихла. Воспаленное тело горело – смертные, кажется, говорят в таких случаях: «как будто кожу содрали». Но самые страшные муки определенно остались позади. Я все еще лежал на шкуре тигра, и в комнате было прохладно, что уже не доставляло мне удовольствия.

У почерневших кирпичей задней стенки камина под полуразрушенной аркой были сложены дрова, а рядом – растопка и кусок смятой газеты. Все в полной готовности. Мм. Кто-то находился в критической близости от меня, пока я спал. Я надеялся, во имя всего святого, что не протянул руку, как с нами случается, когда мы находимся в трансе, и не подрезал крылья этому бедному созданию.

Я опустил веки и прислушался. Снег падал на крышу и попадал в трубу. Вновь открыв глаза, я увидел блеск влаги на поленьях.

Затем я сосредоточился и почувствовал, как исходящая от меня энергия тонким длинным языком коснулась растопки, по которой тут же во множестве заплясали крошечные огоньки. Толстый слой коры на поленьях начал нагреваться и потрескивать. Сейчас огонь разгорится вовсю.

Жар пламени заставил меня поморщиться от резкой боли в лице. Интересно. Я встал на колени, потом поднялся во весь рост. Кроме меня, в комнате никого не было. Бросив взгляд на латунную лампу возле кресла Дэвида, я беззвучным мысленным приказом повернул выключатель.

На кресле лежала одежда: новые брюки из толстой мягкой фланели темного тона, белая хлопчатобумажная рубашка и довольно бесформенный шерстяной пиджак. Все вещи были мне немного велики. Они принадлежали Дэвиду. Даже отороченные мехом тапочки оказались слишком большими. Но мне хотелось одеться. Там было и безликое белье, какое в двадцатом веке носят буквально все, и расческа для волос.

Я не спешил и, натягивая на себя одежду, испытывал лишь пульсирующее раздражение. Причесываться было больно. В конце концов я просто вытряс из волос пыль и песок, и они благополучно исчезли в густом ворсе ковра. Очень приятно было одеть тапочки. Но теперь мне требовалось зеркало.

Я нашел его в холле – старое темное зеркало в тяжелой позолоченной раме. Сквозь открытую дверь библиотеки сюда проникало достаточно света, чтобы я смог разглядеть себя как следует.

Сперва я не мог поверить своим глазам. Кожа полностью разгладилась и стала безупречной, как прежде. Но теперь она приобрела янтарный оттенок, совсем как у рамы этого зеркала,

и лишь немного блестела, не больше, чем у смертного, который провел долгий роскошный отпуск в тропических морях.

Брови и ресницы отчетливо выделялись, как это обычно бывает у светловолосых и очень загорелых людей, а немногочисленные морщинки на моем лице, которые пощадил Темный Дар, стали немного глубже. Я имею в виду две маленькие запятые в уголках рта – результат того, что я, будучи живым, слишком много улыбался, несколько совсем тонких морщинок в уголках глаз и пару едва заметных черточек на лбу. Как приятно увидеть их вновь после столь долгого перерыва!

Руки пострадали больше. Они стали темнее, чем лицо, и благодаря обилию маленьких складок очень смахивали на человеческие. Сколько же крошечных линий на руках у смертных, подумалось вдруг мне.

Блеск ногтей все еще мог вызвать у людей подозрения, но его нетрудно замаскировать пеплом. Глаза, естественно, – другое дело: никогда еще они так ярко не светились. В этом случае помогут дымчатые очки. Большие черные очки, скрывающие сияние белой кожи, больше не потребуются.

«О боги, это же просто замечательно! – думал я, глядя на собственное отражение. – Ты выглядишь почти как человек! Почти как человек!»

Каждой клеточкой я ощущал тупую боль, но мне она даже нравилась, так как напоминала о форме моего тела и о его человеческих пределах.

Я готов был кричать от радости. Но вместо этого принялся молиться: «Пусть я останусь таким надолго, а если нет, то я сделаю все снова».

Но тут же пришедшая в голову мысль поразила меня: я же пытался убить себя, а не усовершенствовать внешность, чтобы легче было появляться на людях. Предполагалось, что я должен сейчас умирать. А если солнцу пустыни Гоби это не удалось… если целый день, что я пролежал на солнце… и следующий восход…

«Ну ты и трус, – подумал я, – можно было найти способ остаться на поверхности и во второй раз! Или нет?»

– Ну, слава богу, ты решил вернуться.

Я оглянулся и увидел, что по холлу идет Дэвид. Он только что вошел в дом и даже не успел еще снять ботинки, темное тяжелое пальто промокло от снега.

Дэвид резко остановился и внимательно осмотрел меня с головы до ног, напрягая в темноте зрение.

– Одежда сойдет, – заметил он. – Господи Боже, ты похож на островитянина, на любителя серфинга, на одного из тех молодых людей, которые всю жизнь проводят на курорте.

Я улыбнулся.

Он взял меня за руку – довольно смело, подумал я, – и провел в библиотеку, где в камине уже весело пылал огонь.

– Уже не больно, – не слишком уверенно произнес он, окинув меня еще одним долгим взглядом.

– Остались кое-какие ощущения, но не из тех, что мы называем болью. Я ненадолго отлучусь. О, не волнуйся. Я вернусь. Я голоден. Мне нужно поохотиться.

Дэвид побледнел, но не настолько, чтобы я не видел крови под кожей его щек или в крошечных сосудах глаз.

– А ты что думал? – спросил я. – Что я бросил эту привычку?

– Нет, разумеется, нет…

– Хочешь пойти посмотреть?

Он не ответил, но был явно испуган.

– Ты должен всегда помнить, кто я. Помогая мне, ты помогаешь дьяволу. – Я сделал жест в сторону «Фауста», до сих пор раскрытого на столе. А рядом лежал рассказ Лавкрафта. Мм…

– Для этого тебе не обязательно убивать, да? – вполне серьезно спросил он.

Ну что за странный вопрос.

– Мне нравится убивать, – с коротким смешком заявил я, указывая на тигра. – Я охотник, как и ты когда-то. Мне кажется, это весело.

Он долго смотрел на меня с выражением какого-то тревожного удивления, а потом медленно кивнул – словно в знак согласия. Но он был далек от того, чтобы со мной согласиться.

– Поужинай, пока меня не будет, – продолжал я. – Не сомневаюсь, что ты голоден. В доме пахнет жареным мясом. И будь уверен, я намерен до возвращения поужинать по-своему.

– Ты твердо настроен позволить мне узнать тебя получше, да? – спросил он. – Чтобы не осталось ни сентиментальности, ни заблуждений?

– Вот именно. – Я на секунду показал ему свои клыки. На самом деле они очень маленькие, далеко не такие, как у леопарда или у тигра, с которыми ему приходилось иметь дело по собственной воле. Но эта гримаса всегда пугает смертных. И не просто пугает – шокирует. Думаю, что организм получает некий инстинктивный сигнал тревоги, имеющий мало общего с сознательным мужеством или жизненным опытом.

Он побледнел еще больше и долго смотрел на меня, застыв на месте. Постепенно на лицо его вернулись краски и выразительность.

– Хорошо, – сказал он. – Я буду здесь, когда ты вернешься. Но если этого не случится, я приду в бешенство! Клянусь, я больше не скажу тебе ни слова. Исчезни сегодня – и больше ни одного кивка от меня не дождешься. Это будет преступление против законов гостеприимства. Ты понял?

– Ладно, ладно! – ответил я, пожав плечами, хотя втайне был тронут его стремлением к моему обществу. Прежде я не был уверен в том, что оно ему необходимо, и так грубо себя вел. – Вернусь. Мне хочется кое-что еще выяснить.

– Что?

– Почему ты не боишься смерти.

– Ну, ведь ты же ее не боишься. Или я не прав?

Я не ответил. Я снова увидел солнце – огромный пламенный шар, сливающийся с землей и небом, – и вздрогнул. А потом передо мной возникла масляная лампа из недавнего сна.

– Что случилось? – спросил Дэвид.

– Я боюсь смерти, – ответил я, подчеркивая сказанное кивком. – Все мои иллюзии разбиты.

– А разве у тебя есть иллюзии? – совершенно искренне удивился он.

– Конечно есть. Одна из них заключается в том, что никто не может сознательно отказаться от Темного Дара…

– Лестат, возможно, стоит напомнить, что ты и сам от него отказался?

– Дэвид, я был слишком юн. Меня принудили. Я сопротивлялся инстинктивно. Но ничего сознательного здесь не было.

– Не стоит так себя недооценивать. Думаю, ты бы отказался, даже в полной мере понимая, о чем речь.

– А вот это уже твои иллюзии, – возразил я. – Я голоден. Прочь с дороги, или я убью тебя.

– Не верю. Лучше ты возвращайся.

– Вернусь. На этот раз я сдержу данное в письме обещание. Ты получишь возможность высказать все.

Я охотился в лондонских переулках. Я блуждал рядом с вокзалом Чаринг-Кросс в надежде на встречу с каким-нибудь отпетым головорезом, который насытит меня до отвала, даже если его мелочные амбиции и не прольют бальзам на мою душу. Но все вышло не совсем так.

Впереди шаркала старушка в грязном пальто, с обмотанными тряпками ногами. Сумасшедшая, умирающая от холода, она бы не протянула и до утра; она выбралась через черный ход из того дома, где ее пытались запирать, – во всяком случае, она сообщала всему миру, ни к кому не обращаясь конкретно, что твердо намерена никогда больше не позволить себя поймать.

Из нас вышли отличные любовники! Она подарила мне имя и огромную гроздь теплых воспоминаний, и вот мы с ней уже танцевали в канаве, и я долго держал ее в своих объятиях. Как и большинство нищих этого века, когда в западных странах пища водится в таком изобилии, она не страдала от недоедания, и я пил медленно, очень медленно, смакуя каждую каплю и чувствуя, как кровь растекается под моей обгоревшей кожей.

Когда все было кончено, я понял, что уже давно и сильно замерз. Я сильнее ощущал изменения температуры. Интересно.

Яростные порывы ветра отнюдь не доставляли мне удовольствия. Может быть, часть моей плоти действительно сгорела? Не знаю. Я почувствовал, что у меня промокли ноги, а руки болели так сильно, что пришлось спрятать их в карманы. Ко мне вновь вернулись воспоминания о зиме во Франции, о последних днях, проведенных дома, об отдыхающем на постели из сена молодом смертном деревенском господине, чьими единственными друзьями были собаки. Внезапно мне показалось, что всей крови мира будет мне мало. Пора искать новую жертву, а потом еще одну… и еще…

Все они отбросы общества и все обречены, убеждал я сам себя, выманивая их в ледяную тьму из лачуг, слепленных из мусора и картона, чтобы потом со стоном насладиться их кровью среди зловония прогорклого пота, мочи и мокроты. Но кровь есть кровь…

Когда часы пробили десять, меня все еще мучила жажда, и жертвы попадались на каждом шагу, но я уже устал, да и охота мне наскучила.

Я миновал много кварталов и перенесся в фешенебельный Вест-Энд, а там вошел в темный магазинчик, набитый элегантной, изящного покроя мужской одеждой – современной и очень дорогой. Я выбрал на свой вкус серые твидовые брюки, пальто с поясом, толстый шерстяной белый свитер и еще очки в тонкой золотой оправе с бледно-зелеными стеклами. Выйдя обратно в морозную ночь, навстречу кружащимся снежинкам, я напевал себе под нос и даже исполнил чечетку под фонарем, чем я, бывало, развлекал Клодию…

Ба-бах! Дыша винным перегаром, на меня яростно налетел молодой красавец, божественно омерзительный бандит. Он выхватил нож, намереваясь убить меня из-за денег, которых у меня не было, и тут до меня дошло, что и сам я – жалкий вор, укравший целый гардероб дорогой ирландской одежды. Ну и ситуация! Однако я уже погрузился в жаркие крепкие объятия, круша ублюдку ребра, высасывая его до последней капли, пока он не иссох, словно крыса на чердаке в летнюю жару. Так и не оправившись от изумления, он осел на землю, но до последнего мгновения продолжал цепляться за мои волосы.

У него в карманах оказалось немного денег. Вот повезло! Я оставил их в магазине, расплатившись таким образом за одежду, и сумма эта, по моим подсчетам, была вполне достаточной, хотя, несмотря на свои сверхъестественные возможности, в математике я никогда не был силен. К тому же я написал благодарственную записку, конечно же анонимную. С помощью нескольких телепатических приемов я тщательно запер двери магазина и отправился дальше.

Глава 5

Когда я добрался до Тальбот-мэнор, настала полночь. Я словно впервые увидел это место. Но теперь у меня было время поблуждать по окрестностям в лабиринте кружащихся снежинок, изучить рисунок посадки подрезанного кустарника и представить себе, каким будет этот сад весной. Прекрасная старинная усадьба.

Потом очередь дошла до комнат – небольшие по размеру, с маленькими окнами со свинцовыми переплетами, они оставались теплыми и уютными даже в морозные английские зимы; сейчас многие окна освещены и манят к себе сквозь снежный мрак.

Дэвид, очевидно, закончил свой ужин, и прислуга – пожилые мужчина и женщина – еще трудилась в кухне, в то время как их господин переодевался в спальне на третьем этаже.

Я наблюдал, как он надевает пижаму, а поверх нее длинный черный халат с черными бархатными отворотами и поясом, отчего становится очень похож на духовное лицо, хотя для сутаны халат слишком изящно отделан, особенно если учесть белый шелковый шарф, повязанный у шеи.

Дэвид спустился вниз.

Я вошел в мою любимую дверь в конце коридора и оказался за спиной у Дэвида в библиотеке как раз в тот момент, когда он наклонился, чтобы поворошить дрова в камине.

– А, все-таки вернулся! – воскликнул он, пытаясь скрыть свою радость. – Господи, ты приходишь и уходишь совсем неслышно!

– Да, и это очень раздражает, правда? – Я посмотрел на лежащую на столе Библию, на «Фауста», на рассказ Лавкрафта, все еще скрепленный в уголке, но уже разглаженный. Рядом стояли графин шотландского виски и красивый хрустальный бокал с толстым дном.

При взгляде на листочки с рассказом я вспомнил вдруг взволнованного молодого человека. Как же все-таки странно он двигался! Мысль о том, что он выследил меня в трех различных местах, заставила слегка вздрогнуть. Наверное, я больше никогда его не увижу. С другой стороны… Ладно, еще будет время разобраться с этим назойливым смертным. Сейчас мои мысли были о Дэвиде, и сознание того, что впереди у нас целая ночь для беседы, приводило меня в восхищение.

– Где это ты так нарядно оделся? – спросил Дэвид, медленно скользя по мне взглядом и, казалось, не замечая, какое внимание я уделяю его книгам.

– О, в одном небольшом магазине. Я никогда не ворую одежду у жертв, если ты об этом. Кроме того, меня привлекают в основном люди из низов, а они не слишком хорошо одеты.

Я устроился в кресле и решил про себя, что отныне оно станет моим. Глубокое мягкое кожаное сиденье, пружины поскрипывают, но благодаря высокой изогнутой спинке и широким прочным подлокотникам отдыхать в нем очень удобно. Стоявшее напротив кресло Дэвида было совсем другого типа, но такое же удобное, только чуть более потрескавшееся и потертое.

Он стоял перед огнем и все еще рассматривал меня. Потом тоже сел, вынул пробку из хрустального графина, наполнил бокал и поднял его в знак приветствия.

Сделав большой глоток, он слегка вздрогнул, когда жидкость обожгла горло.

Внезапно я живо припомнил это ощущение. Вспомнил, как лежал на сеновале амбара в родной Франции и точно так же, с точно такой же гримасой, пил коньяк, а мой смертный друг и любовник Ники жадно выхватывал у меня из рук бутылку.

– Вижу, ты пришел в себя, – слегка понизив голос, с неожиданной теплотой произнес Дэвид. Он откинулся в кресле, поставив бокал на правый подлокотник. Он держался с большим достоинством, хотя и намного непринужденнее, чем обычно. Густые волнистые волосы приобрели благородный темно-серый оттенок.

– Я действительно похож на себя?

– У тебя озорные искорки в глазах, – едва слышно ответил он, не отводя от меня пристального взгляда. – А легкая улыбка на губах исчезает, только когда ты начинаешь говорить, да и то не больше чем на секунду. Но кожа удивительным образом изменилась. Надеюсь, ты не испытываешь боли. Скажи, тебе ведь не больно?

Я сделал пренебрежительный жест. Мне было слышно, как бьется его сердце. Чуть-чуть слабее, чем в Амстердаме, то и дело сбиваясь с ритма.

– Надолго ли твоя кожа останется такой темной? – спросил он.

– Наверное, на многие годы – кто-то из древних, кажется, так говорил. Разве я не писал об этом в «Царице Проклятых»? – Я подумал о Мариусе и о том, как он сердит на меня. Он явно не одобрит мой поступок.

– Это была рыжеволосая Маарет, одна из древнейших, – сказал Дэвид. – В твоей книге она утверждает, что сделала то же самое просто для того, чтобы у нее потемнела кожа.

– Удивительное мужество! – шепотом воскликнул я. – А ведь ты не веришь в ее существование! Хотя я сейчас сижу прямо перед тобой.

– О нет, верю. Конечно верю. Я верю каждому написанному тобой слову. Но тебя я знаю! Расскажи мне – что конкретно произошло в пустыне? Ты действительно думал, что умрешь?

– Тебе непременно нужно спросить об этом с места в карьер, – вздохнул я. – Хорошо, не могу утверждать, что я действительно так думал. Наверное, я играл в свои обычные игры. Клянусь Богом, я не лгу остальным. Но себе я лгу. Я не думаю, что вообще могу умереть, – во всяком случае, не представляю себе, каким образом это сделать.

Он издал долгий вздох.

– А вот почему не боишься умереть ты, Дэвид? Нет, я не собираюсь мучить тебя своим обычным предложением. Однако для меня это поистине непостижимая загадка. Ты действительно искренне не боишься смерти, и я этого не понимаю. Потому что угроза смерти для тебя вполне реальна.

Были ли у него сомнения? Он ответил не сразу. Но я видел, что он получил богатую пищу для размышлений. Я почти слышал, как работает его мозг, хотя, конечно же, не слышал его мыслей.

– Почему «Фауст», Дэвид? Неужели я Мефистофель? А ты – Фауст?

Он покачал головой.

– Может быть, я и Фауст, – сказал он наконец, сделав еще один глоток виски, – но ты уж точно не дьявол. – Он вздохнул.

– Но я все тебе испортил, да? Я понял это в Амстердаме. Ты бываешь в Обители только по необходимости. Я не свожу тебя с ума, но очень плохо на тебя влияю, правда?

И снова он не ответил. Он смотрел на меня большими выпуклыми черными глазами и, видимо, тщательно обдумывал вопрос. Глубокие морщины на лбу, в уголках глаз и рта только подчеркивали сердечное и открытое выражение лица. В нем не было ни тени угрюмости, но таившаяся в глубине души неудовлетворенность и размышления над прожитой долгой жизнью оставили свой след.

– Так или иначе, это должно было произойти, Лестат, – в конце концов заговорил он. – По целому ряду причин я больше не могу с прежним успехом исполнять обязанности Верховного главы ордена. Уверен, такой исход дела был практически неизбежен.

– Объясни. Я считал, что ты составляешь часть самого ядра ордена и что в нем вся твоя жизнь.

Он покачал головой.

– Я никогда не был типичным кандидатом в Таламаску. Тебе известно, какой была моя молодость в Индии, и я мог бы прожить так до конца своих дней. Я не ученый в обычном смысле этого слова и никогда им не был. Тем не менее я действительно в чем-то сродни Фаусту: я стар, и мне не удалось разгадать тайны мироздания. Ни в коей мере! А в молодости мне

казалось, что удалось. В первый раз, когда мне было… видение. В первый раз, когда я познакомился с ведьмой, в первый раз, когда я услышал голос духа, в первый раз, когда я вызвал духа и заставил его исполнить мой приказ… Я думал, что познал все! Но это ерунда. Это все земные реалии… земные тайны… Или тайны, которых мне никогда не постичь, ни за что.

Он сделал паузу, словно хотел добавить что-то еще, нечто конкретное и важное. Но вместо этого поднял бокал и почти рассеянно осушил его, на сей раз без гримасы, которая, очевидно, сопровождала лишь самый первый глоток вечера. Он непонимающе взглянул на бокал и вновь наполнил его из графина.

Невозможность прочесть его мысли выводила меня из равновесия, равно как и тот факт, что его слова не давали мне ни малейшего намека на то, что происходило у него в голове.

– Знаешь, почему я стал членом Таламаски? Исследования здесь абсолютно ни при чем. Я никогда не мечтал о том, чтобы заточить себя в стенах Обители, одолевать горы бумаг, заносить сведения в компьютер и рассылать факсы по всему миру. Вовсе нет. Все началось с очередной охотничьей экспедиции, с новых рубежей, как говорится, с путешествия в далекую Бразилию. Именно там, на узких извилистых улочках старого Рио, я столкнулся с проявлениями оккультизма, и встреча с ними оказалась ничуть не менее захватывающей и опасной, чем охота на тигра. Вот что влекло меня – опасность. И даже не представляю себе, как я оказался настолько далеко от нее.

Я не ответил, но кое-что для меня прояснилось: знакомство со мной таило очевидную опасность. Должно быть, именно она в первую очередь его и привлекала. Я всегда считал, что он наивен, как и все ученые, но дело, как выяснилось, вовсе не в этом.

– Да, – тут же откликнулся он, с улыбкой сверкнув глазами. – Все именно так. Однако я не могу поверить, что ты способен причинить мне вред.

– Не обольщайся, – быстро возразил я. – Ты занимаешься самообманом. И совершаешь старую ошибку: веришь глазам своим. Я не то, что ты видишь.

– Как это?

– А вот так. Внешне я похож на ангела, но я не ангел. Многие из нас подчиняются старым законам природы. Мы прекрасны, как змеи со сверкающими спинами, как полосатые тигры, но мы – безжалостные убийцы. Это не что иное, как обман зрения. Но я не хочу сейчас вступать с тобой в спор. Рассказывай. Что произошло в Рио? Мне не терпится узнать.

На самом деле я хотел сказать: «Раз уж я не могу сделать тебя своим спутником-вампиром, то позволь хотя бы поближе узнать тебя как смертного». Наша беседа, возможность сидеть с ним рядом вызывали во мне волнение и в то же время легкую грусть.

– Хорошо, – сказал он, – ты высказал свою точку зрения, и я ее принимаю. Возможность приблизиться к тебе несколько лет назад, во время твоего выступления на сцене, твой первый приход ко мне – да, и в том и в другом случае присутствовал соблазн опасности. И твое искушение, твое предложение – это тоже опасно, ибо мы оба хорошо знаем, что я всего лишь человек.

Несколько приободрившись, я откинулся на спинку кресла и поставил ногу на кожаное сиденье.

– Мне нравится, когда люди меня немного боятся, – пожал я плечами. – Но что случилось в Рио?

– Я столкнулся лицом к лицу с религией духов, – сказал он. – Кандомбле. Тебе знакомо это слово?

Я еще раз пожал плечами.

– Слышал пару раз. Когда-нибудь непременно там побываю. Может быть, даже скоро. – Я вдруг подумал о больших городах Южной Америки, о ее тропических лесах, об Амазонке. Да, у меня была страсть к такого рода приключениям, и отчаяние, что занесло меня в пустыню Гоби, оказалось где-то совсем далеко. Я был рад, что остался жив, и не испытывал ни тени стыда по этому поводу.

– О, если бы я мог вновь увидеть Рио, – тихо продолжил он, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне. – Конечно, там уже не так, как было в те дни. Теперь это мир небоскребов и больших шикарных отелей. Но я бы хотел еще раз взглянуть на извилистый морской берег, на гору Сахарная Голова и на статую Христа, венчающую Корковаду. Уверен, в мире не найдется другого столь же великолепного места. И почему за столько лет я не собрался в Рио?

– А почему ты не ездишь, куда и когда захочешь? – спросил я, испытывая непреодолимое желание его защитить. – Едва ли кучка монахов в Лондоне сможет тебе запретить. И вообще, руководишь-то всем ты.

Он засмеялся совсем по-джентльменски.

– Нет, они бы меня не остановили. Дело в том, хватит ли у меня энергии, как умственной, так и физической. Но это к делу не относится – я хотел рассказать тебе, что там произошло. А может, как раз и относится – не знаю.

– У тебя есть средства, чтобы поехать в Бразилию, если тебе захочется?

– О да, это не проблема. В том, что касалось денег, мой отец был человеком сообразительным. А потому мне никогда не приходилось о них задумываться.

– Не будь у тебя денег, я дал бы их тебе сколько угодно.

Дэвид одарил меня одной из своих самых теплых, самых доброжелательных улыбок.

– Я стар, – сказал он, – одинок и иногда глуп, как неизбежно случается с каждым, кто обладает хоть каплей мудрости. Но я, благодарение Небу, не беден.

– Так что произошло в Бразилии? С чего все началось?

Он уже хотел было начать рассказ, но вдруг запнулся.

– Ты действительно намерен остаться? И выслушать меня до конца?

– Да, – не задумываясь ответил я. – Пожалуйста.

Я осознал, что хочу этого больше всего на свете. В моем сердце не осталось ни единой мысли, ни единой амбиции – только быть здесь, с ним. Меня даже потрясла простота собственных желаний.

Но он по-прежнему медлил, словно опасаясь довериться мне. Потом в нем произошла едва уловимая перемена – он несколько расслабился, как будто сдался.

И наконец приступил к повествованию.

– Это случилось после Второй мировой, – сказал он. – Индии моего детства больше не было – она просто перестала существовать. К тому же я жаждал побывать в других местах. Мы с друзьями снарядили экспедицию в джунгли Амазонки – я отчаянно мечтал их увидеть. Мы охотились на огромного южноамериканского ягуара… – Он указал на пятнистую кошачью шкуру на подставке в углу, которой я прежде не замечал. – Как же мне хотелось выследить эту кошку!..

– Похоже, это тебе удалось.

– Не сразу, – ответил он с коротким ироничным смешком. – В преддверии экспедиции мы решили устроить себе роскошные каникулы в Рио, провести пару недель на пляже Копакабаны и осмотреть старые колониальные достопримечательности – монастыри, церкви и тому подобное. Надо отметить, что в то время центр города был другим – тесное скопление узких улочек с прекрасной старинной архитектурой. Я сгорал от нетерпения, ведь все это в корне отличалось от того, к чему мы привыкли. Вот что влечет в тропики нас, англичан. Нам необходимо подальше уйти от всех этих приличий, от традиций – и погрузиться в дикую на первый взгляд культуру, которую мы не в состоянии ни укротить, ни постичь.

В ходе рассказа манеры Дэвида разительно изменились – он казался более энергичным, глаза загорелись и речь, окрашенная твердым британским произношением, которое так мне нравилось, потекла быстрее.

– Итак, город, естественно, превзошел все наши ожидания. Но больше всего меня завораживали люди. Кроме Бразилии, я нигде таких не встречал. Прежде всего, они удивительно кра-

сивы, и, хотя с этим соглашаются все, никто не знает, в чем причина. Нет, я вполне серьезно, – сказал он, заметив мою улыбку. – Возможно, дело в смешении португальской, африканской и индейской крови. Честно говоря, я не знаю. Но они бесспорно чрезвычайно привлекательны и обладают необыкновенно чувственными голосами. Да, в их голоса можно влюбиться, их хочется целовать; а музыка, bossa nova, это их подлинный язык.

– Тебе нужно было там остаться.

– О нет! – Дэвид торопливо глотнул еще виски. – Продолжим. С первой недели я, скажем так, проникся страстью к одному мальчику, Карлосу. Я абсолютно потерял голову, и мы дни и ночи напролет пили и занимались любовью в моих апартаментах в «Палас-отеле». В общем, совсем стыд потеряли.

– Твои друзья тебя ждали?

– Нет, они поставили мне условие: либо я отправляюсь с ними немедленно, либо они уезжают без меня. Но они совершенно не возражали против того, чтобы Карлос присоединился к нам. – Он слегка взмахнул правой рукой. – Они ведь все, разумеется, были искушенными джентльменами.

– Разумеется.

– Но решение взять с собой Карлоса оказалось ужасной ошибкой. Ведь я и понятия не имел, что его мать была жрицей кандомбле. Она не желала отпускать своего мальчика в джунгли Амазонки. Она хотела, чтобы он ходил в школу. Она послала мне вслед духов.

Он замолчал и взглянул на меня, пытаясь определить мою реакцию.

– Должно быть, это оказалось весьма забавным, – сказал я.

– Они колотили меня в темноте. Они поднимали с пола постель и вытряхивали меня из нее. Они поворачивали краны в душе, так что я едва не ошпарился. Они наполняли мои чашки мочой. Через неделю я едва не сходил с ума. Раздражение и недоверие сменились безнадежным отчаянием. Прямо перед моим носом слетали со стола тарелки. В ушах звенели колокольчики. Бутылки падали с полок и разбивались. Куда бы я ни пошел, повсюду меня преследовали темнолицые существа.

– Ты знал, что все это было делом рук той женщины?

– Поначалу не знал. Но в конце концов Карлос не выдержал и признался во всем. Его мать обещала снять проклятье только после моего отъезда. И я уехал в ту же ночь.

Изможденный, близкий к безумию, я вернулся в Лондон. Но и здесь не избавился от кошмара – они последовали за мной. Все началось заново, теперь уже в Тальбот-мэнор. Хлопали двери, двигалась мебель, в помещении для слуг постоянно звонили звонки. Все сходили с ума. А моя мать… Моя мать, надо сказать, увлекалась спиритизмом и частенько посещала сеансы лондонских медиумов. Она и пригласила агентов из Таламаски. Я все им рассказал, и они принялись объяснять мне, что такое спиритизм и кандомбле.

– Они изгнали демонов?

– Нет. Но после недели напряженных исследований в библиотеке Обители и долгих бесед с теми несколькими агентами ордена, которые побывали в Рио, я смог сам справиться с демонами. Все были очень удивлены. Потом я объявил о своем решении вернуться в Бразилию, и они изумились еще больше. Меня предупредили, что эта жрица достаточно могущественна, чтобы убить меня.

– Именно в этом и дело, – ответил я. – Мне самому нужна такая власть. Я собираюсь пройти у нее обучение. Она станет моей наставницей. Меня умоляли не ездить. Я сказал, что по возвращении представлю им письменный отчет. Ты понимаешь мои чувства. Я стал свидетелем работы невидимых сил. Я чувствовал их прикосновения. Я видел, как они швыряют в воздух предметы. Я полагал, что передо мной открывается мир невидимого. Я не мог не поехать. Нет, никто не в силах был меня отговорить. Никто и ничто.

– Да, понимаю, – сказал я. – Это казалось тебе не менее увлекательным, чем большая охота.

– Совершенно верно. – Он покачал головой. – Вот это были времена! Наверное, я думал, что раз война не убила меня, то ничто не убьет. – Внезапно он углубился в воспоминания и, казалось, начисто забыл обо мне.

– Ты встретился с той женщиной?

Он кивнул.

– Да, и при личной встрече произвел на нее впечатление. К тому же я выложил ей такую сумму, о какой она и мечтать не смела. Я заявил о своем желании стать ее учеником. Я на коленях клялся, что хочу учиться, что не уеду, пока не проникну в эту тайну и не узнаю всего, что только возможно. – Он усмехнулся. – Думаю, до тех пор эта женщина никогда не сталкивалась с антропологами, даже с любителями, а я, полагаю, был из этой породы. Так или иначе, я провел в Рио целый год. Поверишь ли, то был самый замечательный период в моей жизни. Уехал я только потому, что понимал: если не уеду немедленно, то не уеду никогда. Англичанин Дэвид Тальбот перестанет существовать.

– Ты научился вызывать духов?

Он кивнул. Он снова углубился в воспоминания, но возникавшие перед его мысленным взором образы оставались мне недоступными. Он выглядел взволнованным и немного расстроенным.

– Я все изложил на бумаге, – наконец сказал он. – Это есть в архивах Таламаски. За прошедшие годы многие, очень многие прочли мои записки.

– И у тебя не было искушения их опубликовать?

– Это невозможно. Таковы законы Таламаски. Мы никогда ничего не публикуем для широкой аудитории.

– Ты боишься, что зря потратил свою жизнь, да?

– Нет, поверь мне, нет. Хотя то, что я говорил раньше, правда. Я так и не сумел постичь тайны мироздания. Я даже не сумел превзойти тот уровень, которого достиг в Бразилии. О, потом было множество шокирующих открытий. Помню ночь, когда я впервые прочел документы, касающиеся вампиров, – я отнесся к ним с недоверием. А чуть позже я спустился в подземелья и нашел доказательства… Но в конечном счете это ничем не отличалось от кандомбле. Мне удалось проникнуть в тайну лишь до определенных пределов.

– Понимаю, Дэвид, не сомневайся, – миру суждено оставаться загадкой. Если и существует какое-то объяснение, нам не удастся на него наткнуться, в этом я абсолютно уверен.

– Думаю, ты прав, – грустно ответил он.

– А я думаю, ты больше боишься смерти, чем готов признать. Со мной ты гнешь линию упрямства и морали, и я тебя не виню. Может быть, ты действительно достаточно стар и мудр, чтобы знать, что не хочешь становиться таким, как мы. Но не воображай, что смерть готова предоставить тебе все ответы. Подозреваю, что сама по себе она ужасна. Ты просто перестаешь существовать, и нет больше жизни, нет возможности вообще что-нибудь выяснить.

– Нет, Лестат, в этом я не могу с тобой согласиться, – сказал он. – Никак не могу. – Он вновь бросил взгляд на тигра и добавил: – Кто-то придумал эту страшную симметрию, Лестат. Должен был придумать. Тигр и агнец… само по себе так получиться не могло.

Я покачал головой:

– Сочинение этого старинного стиха, Дэвид, потребовало больше разума, чем сотворение мира. Ты говоришь как приверженец епископальной церкви. Но я понимаю твою мысль. Во всем этом что-то есть! Не может не быть! Столько утраченных фрагментов. Чем больше об этом думаешь, тем большее число атеистов начинают казаться религиозными фанатиками. Но я считаю, что это заблуждение. Это всего лишь процесс – и ничего больше.

– Утраченные фрагменты! Ну конечно! Представь себе на минуту, что я создал робота, точную копию самого себя. Представь себе, что я дам ему все энциклопедии, полные информации, – запрограммирую его мозг. И что же? Наступит момент, когда он придет ко мне и скажет: «Дэвид, а где остальное? Где объяснение?! Как все началось? Почему же все-таки грянул гром? Что именно произошло, когда минералы и прочие инертные вещества внезапно слились в органические клетки? А как же огромный провал в истории ископаемых?» Это не более чем вопрос времени.

Я восхищенно рассмеялся.

– И мне придется признаться бедняге, – закончил он, – что никакого объяснения не существует. Что у меня нет утраченных фрагментов.

– Дэвид, их ни у кого нет. И не будет.

– Ты уверен?

– Так вот на что ты надеешься? Вот почему ты читаешь Библию? Ты не смог раскрыть оккультные секреты вселенной и поэтому вернулся к Богу?

– Бог и есть оккультная тайна вселенной, – задумчиво произнес Дэвид; его лицо утратило напряженное выражение, разгладилось и стало почти молодым. Он пристально разглядывал бокал в своей руке – быть может, наслаждался игрой света в гранях хрусталя. Не знаю… Я ждал, что он скажет.

– Мне кажется, ответ можно найти в Книге Бытия, – откликнулся он наконец. – Да, думаю, там.

– Дэвид, ты меня поражаешь. Вот и говори об утраченных фрагментах! Книга Бытия и есть скопище фрагментов.

– Да, но толковать фрагменты должны мы сами, Лестат. Бог создал человека по своему образу и подобию. Подозреваю, что ключ именно в этом. Ведь никто не знает, что это значит на самом деле. Евреи не считали Бога человеком.

– И где же здесь ключ?

– Бог – созидательная сила, Лестат. Мы тоже. Он сказал Адаму: «Плодитесь и размножайтесь». Этим и занимались первые органические клетки, Лестат, – плодились и размножались. Не просто меняли форму, но воспроизводили сами себя. Бог – созидательная сила. Посредством деления клеток он создал из самого себя вселенную. Вот почему дьяволов переполняет зависть – я говорю о злых ангелах. Они лишены созидательной способности, у них нет тел, нет клеток – только дух. И подозреваю, что это не столько зависть, сколько своего рода подозрение – что Бог совершил ошибку, настолько уподобив Адама самому себе и тем самым допустив возникновение еще одной созидательной силы. Я имею в виду, что ангелы, возможно, чувствовали, что физическая вселенная с воспроизводящимися клетками – это уже плохо, но мыслящие, говорящие существа, способные плодиться и размножаться… Вероятно, их привел в ярость эксперимент в целом. Вот в чем их грех.

– Значит, ты утверждаешь, что Бог не есть чистый дух?

– Верно. У Бога есть тело. И было всегда. Тайна делящейся на клетки жизни содержится в самом Боге. И все живые клетки несут в себе крошечную частицу Бога, Лестат, – вот он, утраченный фрагмент, вот что породило жизнь как таковую, вот что отделяет ее от небытия. Весьма походит на происхождение вампиров. По твоим словам, дух Амель – некая злая сущность – присутствует в телах всех вампиров… Вот и люди точно так же носят в себе Бога.

– Господи, Дэвид, да ты с ума сошел! Мы представляем собой мутацию.

– Согласен. Но вы существуете в одной с нами вселенной, и ваша мутация отражает нашу. Кроме того, не только я придерживаюсь этой теории. Бог есть пламя, и все мы – огоньки; и с нашей смертью эти огоньки возвращаются в костер Бога. Но важно осознать, что Бог суть и Тело, и Душа! Это бесспорно.

Западная цивилизация основана на инверсии. Но я искренне верю, что в своих ежедневных деяниях мы познаем и почитаем истину. Лишь в разговорах о религии мы говорим, что Бог есть чистый дух, всегда таким был и всегда будет, и что плоть порочна. Истина содержится в Книге Бытия. Я тебе скажу, когда грянул гром, Лестат. Когда началось деление Божественных клеток.

– Чрезвычайно милая теория, Дэвид. И Бог удивился?

– Нет, но ангелы удивились. Я не шучу. Я скажу тебе, в чем заключается суеверная часть – в вере в совершенство Бога. Однако Бог отнюдь не совершенен.

– Большое облегчение, – сказал я. – Это многое объясняет.

– Ты смеешься надо мной. Я тебя не виню. Но ты абсолютно прав. Это все объясняет. Бог сделал много ошибок. Очень много ошибок. И сам он об этом знает! И я подозреваю, что ангелы пытались его предостеречь. Дьявол стал дьяволом, потому что он пытался предостеречь Бога. Бог есть любовь. Но я не уверен, что Бог абсолютно безупречен.

Я безуспешно старался подавить смех.

– Дэвид, если ты будешь продолжать в таком духе, тебя поразит молния.

– Чепуха! Бог хочет, чтобы мы это поняли.

– Нет. Этого я не допускаю.

– То есть остальное ты допускаешь? – спросил он с очередной усмешкой. – Нет, я вполне серьезен. Религия примитивна в своих лишенных логики заключениях. Можно ли представить совершенного во всех отношениях Бога, который позволяет появиться дьяволу? Это же полнейшая бессмыслица.

Главнейшим изъяном Библии является утверждение, что Бог есть совершенство. Оно свидетельствует о недостатке воображения у ранних исследователей. Оно послужило основанием для возникновения всевозможных теологических вопросов, касающихся добра и зла, на которые мы вот уже много веков пытаемся дать ответы. Однако же Бог есть добро, удивительное добро. Да, Бог есть любовь. Но всякая творческая сила несовершенна. Это очевидно.

– А дьявол? О нем выяснилось что-нибудь новенькое?

Дэвид бросил на меня слегка раздраженный взгляд.

– Какой же ты циничный, – прошептал он.

– Нет, я не циничный, – сказал я. – Я действительно хочу понять. Естественно, дьявол меня особенно интересует. Я говорю о нем гораздо чаще, чем о Боге. Уму непостижимо, почему смертные так сильно его любят, то есть саму идею его существования. И тем не менее это так.

– Потому что они в него не верят, – сказал Дэвид. – Потому что идеально злой дьявол гораздо менее логичен, чем идеальный Бог. Представь себе дьявола, который за все это время так ничему и не научился, так и не передумал быть дьяволом. Такая мысль оскорбляет наш интеллект.

– И какая же истина скрывается за этой ложью?

– Он может найти искупление. Он не более чем часть замысла Бога. Это дух, которому позволено искушать и испытывать людей. Он не одобряет людей, не одобряет весь этот эксперимент. Видишь ли, насколько я понимаю, в этом и состоит суть падения дьявола. Дьявол думал, будто ничего не выйдет. Но ключ лежит в осознании материальности Бога! Бог есть Материя, Бог есть Господь деления клеток, а дьявол питает отвращение к чрезмерно активному, вырвавшемуся из-под контроля делению.

Он снова погрузился в размышления, глаза изумленно раскрылись… Такие паузы в нашей беседе буквально сводили меня с ума. Наконец Дэвид заговорил:

– У меня есть другая теория касательно дьявола.

– И в чем же она состоит?

– Он не один, их несколько. И никто из назначенных на эту должность от нее не в восторге. – Он произнес эти слова очень тихо, почти про себя. И словно хотел добавить что-то еще, но… передумал.

Я громко расхохотался:

– Вот это я могу понять! Кому понравится быть дьяволом? Да еще и сознавать, что рассчитывать на выигрыш не приходится. А если принять во внимание, что дьявол изначально был ангелом и, судя по всему, весьма неглупым…

– Вот именно. – Он наставил на меня палец. – Твой рассказ о Рембрандте. Дьявол, обладай он мозгами, должен был признать, что Рембрандт – гений.

– И что Фауст добродетелен.

– Ах да, ты видел, как я читал «Фауста» в Амстердаме, не так ли? И приобрел экземпляр для себя.

– Откуда ты знаешь?

– Владелец магазина рассказал мне об этом на следующий день. Через несколько минут после моего ухода к нему зашел странного вида молодой светловолосый француз, купил ту же книгу и затем полчаса неподвижно простоял на улице, читая ее. Более светлой кожи он в жизни не видел. Кто еще это мог быть?

Я с улыбкой покачал головой:

– Иногда я веду себя крайне неосторожно. Чудо, что какой-нибудь ученый до сих пор не поймал меня в свои сети.

– Это не шутки, друг мой. Несколько ночей назад в Майами ты поступил весьма неосмотрительно. Две жертвы, в которых не осталось ни капли крови…

Его замечание привело меня в такое смятение, что поначалу я даже не нашелся с ответом. А потом смог лишь выразить удивление по поводу того, как новости долетают до него из-за океана. Я почувствовал, что былое отчаяние вновь коснулось меня черным крылом.

– Необычные убийства попадают на первые полосы газет во всем мире, – объяснил он. – К тому же Таламаска получает отчеты о подобных вещах. В каждом крупном городе у нас есть люди, которые делают для нас вырезки и собирают разного рода предметы, связанные с паранормальными явлениями. «Убийца-вампир: две жертвы в Майами». Мы получили это из нескольких источников.

– Но никто же не верит, что это действительно был вампир. И тебе прекрасно известно, что не верят.

– Пока нет, но продолжай в том же духе, и поверят все. Ведь именно этого ты добивался во время своей короткой карьеры в рок-музыке. Ты хотел, чтобы они напали на след. И в этом нет ничего невероятного. А твоя охота на серийных убийц! Ты оставляешь за собой целый хвост.

Его последние слова меня поразили. Я охотился на убийц то на одном, то на другом континенте. И никогда не думал, что кто-то способен связать воедино эти разрозненные, разделенные большими расстояниями смерти, – кроме, конечно, Мариуса.

– И как ты обо всем догадался?

– Я же сказал. Подобные истории непременно становятся нам известны. Сатанизм, вампиризм, вуду, колдовство, появление оборотней – все сведения о них ложатся ко мне на стол. Бóльшая часть, разумеется, отправляется в мусорную корзину. Но я умею отличить зерно истины. А твои убийства заметить несложно.

Ты уже давно гоняешься за серийными убийцами. И не удосуживаешься прятать их трупы. Последнего ты бросил прямо в отеле, где его нашли всего через час после наступления смерти. Со старухой ты обошелся не менее небрежно – сын обнаружил ее на следующий день. Коронер не увидел ран ни на одном из этих тел. В Майами ты теперь безымянная знаменитость, чья слава далеко превзошла печальную известность бедняги из отеля.

– Мне наплевать, – сердито откликнулся я, хотя, конечно, в данном случае покривил душой. Я ненавидел собственную беспечность, но даже не пытался что-либо исправить. Пора действовать по-другому. Ведь и сегодня вечером я поступил не лучше. Но поиск оправданий казался мне трусостью.

Дэвид внимательно наблюдал за мной. Если в его характере и была какая-то доминирующая черта, то это, конечно же, осторожность.

– Теоретически вполне можно допустить, – в конце концов заметил он, – что тебя поймают.

Я презрительно усмехнулся.

– Тебя могут запереть в стеклянную клетку и изучать, как подопытное животное в лаборатории.

– Это невозможно. Однако мысль интересная.

– Так я и знал! Ты сам на это напрашиваешься!

Я пожал плечами.

– Хоть какое-то развлечение для разнообразия. Однако это абсолютно невозможно. В ночь моего выступления в качестве рок-певца произошли самые невероятные вещи. Но смертные просто убрали следы беспорядков и закрыли все дела. Что касается старушки в Майами – это ужасное несчастье. Такого нельзя допускать… – Я замолчал, вспомнив о тех, кто этой ночью умер в Лондоне.

– Но убийство доставляет тебе удовольствие, – возразил он. – Ты утверждаешь, что это весело.

Внезапно мне стало так больно, что захотелось уйти. Но я обещал остаться. Я сидел, глядя в огонь и думая о пустыне Гоби, о костях гигантских ящеров; я вспоминал, как весь мир наполнился светом. Я подумал о Клодии… И ощутил запах фитиля лампы.

– Извини, я не хотел быть с тобой жестоким, – сказал он.

– Черт возьми, почему бы и нет? Более подходящий объект для жестокости трудно себе представить. Кстати, я ведь тоже не всегда к тебе добр.

– Что тебе нужно на самом деле? Какая тебя снедает страсть?

Я подумал о Мариусе и о Луи, которые много раз задавали мне тот же самый вопрос.

– Как искупить вину за содеянное? – спросил я. – Я собирался покончить с убийцей. Он был тигром-людоедом, моим братом. Я лежал в засаде и ждал его. А та пожилая женщина – всего лишь ребенок в лесу. Но какое это имеет значение? – Я вспомнил о жалких созданиях, которых убил сегодня вечером, устроив в лондонских переулках настоящую бойню. – Жаль, но мне никак не удается усвоить, что это не имеет значения. Я собирался спасти ее. Но что такое один милосердный поступок по сравнению с тем, что я совершил? Если Бог или дьявол существуют, значит я проклят. Может быть, ты продолжишь свою религиозную проповедь? Странно, но такие беседы удивительно успокаивают. Расскажи еще про дьявола. Да, конечно, он подвержен изменениям. Умен. У него, должно быть, есть чувства. Так с какой же стати ему всегда быть одинаковым?

– Вот именно. Ты же знаешь, что говорится в Книге Иова.

– Напомни.

– Ну, Сатана сидит у Бога на Небесах. Бог спрашивает, где Сатана был. И тот отвечает, что бродил по свету. Обычный разговор. И начинается спор об Иове. Сатана считает, что добродетель Иова целиком проистекает из его благополучия. И Бог позволяет Сатане испытать Иова. Эта сцена отображает максимально близкую к нашей ситуацию. Богу известно не все. Дьявол – его хороший друг. Всё в целом – эксперимент. И этот Сатана весьма далек от того дьявола, каким его представляет себе современный мир.

– Ты говоришь об этих понятиях как о реально существующих…

– Я думаю, они вполне реальны, – ответил Дэвид. Голос его постепенно затих, и он погрузился в размышления. Однако вскоре стряхнул с себя задумчивость. – Хочу тебе кое в чем признаться. Давно пора это сделать. В определенном смысле я не менее суеверен и религиозен, чем самый заурядный человек. Понимаешь, во многом это основано на своеобразном видении – на некоем откровении, которое накладывает свой отпечаток на человеческий рассудок.

– Нет, не понимаю. Мне снятся сны, но без откровений. Пожалуйста, объясни.

Он снова уставился в камин и задумался.

– Не отгораживайся от меня, – тихо попросил я.

– Мм. Да, конечно. Я думал, как это описать. Понимаешь, я до сих пор жрец кандомбле. А значит, могу вызывать невидимые силы: злых духов, астральных скитальцев… Назвать можно как угодно – полтергейстами, призраками… следовательно, я всегда обладал скрытой способностью видеть духов.

– Да. Полагаю…

– И однажды я кое-что видел, кое-что необъяснимое, еще до поездки в Бразилию.

– Да?

– До Бразилии я не придавал этому никакого значения. Видишь ли, все случившееся было столь необъяснимым и так меня тревожило, что еще до поездки в Рио я постарался выбросить это из головы. Но теперь я думаю об этом постоянно и ничего не могу с собой поделать. Поэтому я и обратился к Библии – в надежде обрести в ней мудрость.

– Рассказывай.

– Дело было перед самой войной. Мы ездили в Париж с матерью. Я сидел в кафе – даже не помню, в каком именно, – на левом берегу. Стоял прелестный весенний день, и, как поется в песнях, это самое лучшее время в Париже. Я пил пиво, читал английские газеты и вдруг осознал, что непроизвольно подслушиваю чей-то разговор. – Дэвид опять словно бы ушел в себя. – Жаль, что я не знаю, как все было на самом деле, – еле слышно пробормотал он.

Он наклонился вперед, взял в правую руку кочергу и поворошил поленья, отчего на фоне темных кирпичей в трубу поднялся шлейф пламенеющих искорок.

Мне отчаянно хотелось вернуть его к действительности, но я терпеливо ждал. Наконец он продолжил:

– Я говорил, что сидел в том кафе…

– Да.

– И понял, что слышу странный разговор… Говорили не по-английски, не по-французски… И постепенно до меня дошло, что это вообще не язык, но смысл беседы мне полностью понятен. Я отложил газету и сосредоточился. Разговор продолжался, – похоже, собеседники спорили. Внезапно я понял, что не уверен, слышу ли их голоса в обычном смысле слова. Не было уверенности и в том, что их слышат другие посетители кафе! Я поднял глаза и медленно обернулся.

И увидел их… Двое сидели за столиком и разговаривали; на первый взгляд в этом не было ничего необычного: люди увлечены беседой. Я вновь обратил взгляд на газету, и тут у меня появилось это чувство – я словно плыл куда-то. Необходимо было за что-то зацепиться, сосредоточить внимание на газете, на столешнице – и остановиться. Шум кафе обрушился на меня внезапно – как будто грянул во всю мощь оркестр. Но я знал, что те двое, которых я только что видел, не были людьми.

Я еще раз обернулся, стараясь максимально сосредоточиться и полностью отдавать себе отчет в происходящем. Они все еще сидели за столиком, и стало до боли очевидно, что это не более чем иллюзия. Они состояли из иной материи. Ты понимаешь, о чем я? Попробую пояснить на некоторых деталях. Например, их освещал другой свет, они существовали в таком измерении, где свет исходит из другого источника.

– Как свет Рембрандта.

– Да, примерно так. Одежда и лица казались более гладкими, чем у людей. Их материя обладала совершенно иным строением и абсолютно однородной структурой.

– А они тебя видели?

– Нет. Точнее, они на меня не смотрели и не подавали вида, что заметили мое присутствие. Они смотрели друг на друга и продолжали разговор, суть которого была мне совершенно ясна. Бог говорил дьяволу, что тот должен продолжать выполнять свою работу. А дьявол возражал, объясняя свой отказ тем, что срок его службы и без того чрезмерно затянулся, что с ним происходит то же самое, что происходило со всеми остальными. Бог сказал, что все понимает, но дьявол должен сознавать свое великое предназначение и не имеет права уклоняться от выполнения обязанностей – все не так просто. Бог нуждается в нем и в том, чтобы он был сильным. Причем все это было сказано самым добродушным тоном.

– И как они выглядели?

– В том-то и состоит самая главная проблема. Я не знаю. В тот момент я видел два смутных силуэта, крупных, определенно мужских – или, скажем так, принявших форму мужчин, – приятных на вид. В них не было ничего ужасного, ничего необычного. Мне не бросилось в глаза отсутствие каких-то деталей – цвета волос, например, или определенности черт лица… Образы их казались вполне завершенными. Но когда я впоследствии пытался воссоздать их в памяти, ничего не вышло! Думаю, что на самом деле эти призрачные видения отнюдь не обладали завершенностью форм. Скорее всего, удовлетворившее меня ощущение ее присутствия имело иные истоки.

– Какие же?

– Оно, конечно, происходило от содержания, от смысла.

– Они так тебя и не увидели, так и не узнали, что ты был рядом.

– Дорогой мой мальчик, они не могли не знать, что я рядом. Они должны были знать. Должно быть, они сделали это ради моего же блага! Иначе разве они позволили бы себя увидеть?

– Не знаю, Дэвид. Возможно, они и не хотели, чтобы ты их увидел. Может быть, все дело лишь в том, что одни обладают способностью видеть, а другие – нет. Нельзя исключить вероятность того, что в реальной материи – в той, из которой состоит весь окружающий мир, – образовалась небольшая прореха.

– Возможно, ты прав. Но боюсь, что это не так. Боюсь, что мне было предначертано это увидеть и это должно было оставить свой отпечаток. Вот в чем весь ужас, Лестат. Никакого особенного отпечатка это не оставило.

– Ты не изменил свою жизнь?

– О нет, отнюдь. Ведь уже через два дня я не был уверен, что вообще их видел. И чем больше я рассказывал об этом, чем чаще слышал в ответ: «Дэвид, ты спятил», тем больше я терял уверенность. Нет, я так ничего и не сделал.

– Но что ты мог сделать? Как иначе можно отреагировать на явившееся тебе откровение, кроме как прожить хорошую жизнь? Ты, несомненно, поведал своей братии из Таламаски об этом видении.

– Да, да, я им все рассказал. Но намного позже, после Бразилии, когда составлял свои мемуары, как и подобает добропорядочному члену ордена. Естественно, я откровенно описал все от начала до конца.

– И что они сказали?

– Лестат, Таламаска никогда не дает подробных комментариев, и с этим нужно смириться: «Мы бдим. И мы всегда рядом». По правде говоря, о таких видениях с другими членами особенно не поговоришь. Начни говорить о бразильских духах, и в слушателях недостатка не будет. Но христианский Бог и его дьявол?.. Нет, боюсь, что и в Таламаске не обходится без предрассудков и прочих причуд. Кроме нескольких удивленно поднятых бровей, никакой иной

реакции на мое повествование припомнить не могу. Но чего же еще ждать от джентльменов, которые видели оборотней, боролись с ведьмами, беседовали с призраками и подвергались соблазнам со стороны вампиров?

– Но ведь речь шла о Боге и дьяволе, – рассмеялся я. – Дэвид, это же потрясающе! А что, если братья завидовали тебе больше, чем ты мог предположить?

– Нет, они мне просто не поверили. – На мою шутку Дэвид ответил легкой усмешкой. – Откровенно говоря, твое серьезное отношение к этому рассказу меня удивляет.

Он неожиданно взволнованно поднялся, подошел к окну и отдернул шторы, вглядываясь в снежную ночь.

– Дэвид, а чего могли ожидать от тебя эти призраки?

– В том-то и беда, что не знаю. – В голосе Дэвида слышались растерянность и горечь. – Мне семьдесят четыре года, и я до сих пор ничего не понял. Так и умру, не узнав. И если просветления не наступит, да будет так. Ответ на самом деле заключается и в том, сумею ли я понять.

– Вернись, пожалуйста, в кресло, – попросил я. – Мне приятнее видеть твое лицо во время разговора.

Он почти автоматически выполнил просьбу, сел и потянулся к пустому стакану, устремив взгляд на огонь.

– А ты, Лестат, как думаешь на самом деле? В глубине души? Бог или дьявол существуют? Скажи откровенно, во что ты веришь?

– Я думаю, что Бог существует, – ответил я после минутного раздумья. – Мне неприятно это говорить, но именно так я считаю. И вероятно, существует какая-то форма дьявола. Допускаю, что дело здесь в тех утраченных фрагментах, о которых мы говорили. И в том парижском кафе ты вполне мог увидеть Высшее существо и его Оппонента. Но это часть их игры, которая способна довести до безумия и которую нам не дано постичь до конца. Тебе нужно логичное объяснение их поведения? Почему они позволили себя заметить? Они хотели спровоцировать некую религиозную реакцию! Так они играют с нами. Они подбрасывают нам видения и чудеса, куски и крошки божественных откровений. Мы преисполняемся рвения и обращаемся к Церкви. Все это – часть игры, часть бесконечно продолжающегося разговора. И знаешь что? Твой взгляд на вещи – несовершенный Бог и обучающийся дьявол – не хуже любой другой интерпретации. Полагаю, ты попал в точку.

Он пристально смотрел на меня, но не произнес ни слова.

– Нет, – продолжал я, – нам не суждено получить ответы. Нам не суждено узнать, переселяются ли наши души из тела в тело путем реинкарнации. Нам не суждено узнать, Бог ли создал Землю. Кто он – Аллах, Шива, Яхве или Христос? Он не только дарует откровения, но и сеет сомнения. Он всех нас дурачит.

Он по-прежнему молчал.

– Уйди из Таламаски, Дэвид, – сказал я. – Уезжай в Бразилию, пока еще позволяют годы. Возвращайся в Индию. Побывай всюду, где хочется.

– Да, думаю, так и следует поступить, – тихо сказал он. – Наверное, они обо всем позаботятся за меня. Старшины уже устраивали совещание, чтобы обсудить проблему «Дэвида и его недавних отлучек из Таламаски». Я уйду в отставку – с неплохой пенсией, разумеется.

– Они знают, что ты со мной встречался?

– О да. Это тоже часть проблемы. Старшины запрещают любые контакты. Это в высшей степени забавно, так как сами они сгорают от желания увидеть тебя собственными глазами. Конечно, они чувствуют, когда ты появляешься возле Обители.

– Не сомневаюсь, – сказал я. – А что значит – запрещают контакты?

– О, стандартное предупреждение, – сказал он, не сводя глаз с горящего полена. – Сплошное средневековье. В основе лежит старая директива: «Не следует поощрять это существо,

вступать с ним в разговор или продолжать таковой; если оно не прекращает посещения, надлежит любым способом выманить его в многолюдное место. Известно, что эти существа не любят нападать при большом скоплении смертных. Никогда, ни при каких обстоятельствах недопустимо пытаться выведать у такого существа тайны или хоть на миг поверить в искренность выражаемых им чувств, ибо эти существа обладают непревзойденным даром притворства и необъяснимой способностью доводить смертных до безумия. Подобные случаи наблюдались как среди искушенных исследователей, так и среди незадачливых новичков, с которыми вампиры вступали в контакт. Вы предупреждаетесь о необходимости немедленного предоставления старшинам ордена отчетов о любых встречах, появлениях…» – и далее в том же духе…

– Ты действительно знаешь все это наизусть?

– Я сам писал эту директиву. – На губах Дэвида промелькнула легкая улыбка. – За прошедшие годы я инструктировал многих агентов ордена.

– А они знают, что я сейчас у тебя?

– Нет, конечно, нет. Я давно уже перестал сообщать им о наших встречах. – Он опять задумался и вдруг спросил: – А ты ищешь Бога?

– Естественно, нет, – ответил я. – Не представляю себе, на что можно более бесплодно потратить время, даже если в твоем распоряжении целые столетия. Я навсегда покончил с такого рода поисками. Теперь я жажду найти в мире истину – истину, скрытую в материальном и эстетическом, истину, доступную моему пониманию. Твое видение интересует меня потому, что оно явилось тебе и ты рассказал мне о нем, а я тебя люблю. Но только поэтому.

Он откинулся в кресле, устремив глаза в темноту.

– Разве это имеет значение, Дэвид? Придет время, и ты умрешь. И я, наверное, тоже.

Его улыбка опять потеплела, как будто он мог воспринимать мои слова только в шутку.

Наступила долгая пауза, во время которой он подлил себе виски и выпил его – медленнее, чем обычно. Он был весьма далек от опьянения. Но он и не стремился к этому. Будучи смертным, я всегда пил, чтобы напиваться. Но ведь я тогда был очень молод и очень беден – наличие замка значения не имело, – а зелье по большей части было просто дрянным.

– Ты ищешь Бога, – сказал он, кивая.

– Черта с два. Ты злоупотребляешь своим авторитетом. Ты знаешь, что я не тот мальчик, которого ты видишь перед собой.

– Да, ты прав, мне нужно напоминать об этом. Но ты по-прежнему не приемлешь зло. Если в твоих книгах написана хотя бы половина правды, то любые проявления зла всегда вызывали у тебя отвращение. Ты бы отдал все на свете, чтобы узнать, чего от тебя хочет Бог, и исполнить его волю.

– У тебя старческий маразм. Пиши завещание.

– О, как жестоко, – широко улыбнулся он.

Я собирался сказать кое-что еще, но отвлекся. Что-то дернуло за ниточки моего сознания. Звуки. Вдали, в деревне, по узкой дороге сквозь ослепительный снег очень медленно ехала машина.

Обратив туда все свое внимание, я прислушался, но ничего не уловил – только шелест падающего снега и рокот продвигающейся вперед машины. Бедный, несчастный смертный – в такой час за рулем машины. Четыре утра.

– Уже очень поздно, – сказал я. – Мне пора. Я не хочу оставаться здесь еще на одну ночь, хотя ты был чрезвычайно любезен. Дело не в том, что кто-то что-то узнает. Просто я предпочитаю…

– Понимаю. Когда мы снова увидимся?

– Может быть, раньше, чем ты думаешь. Скажи, Дэвид, почему в ту ночь, когда я ушел отсюда в Гоби, твердо намереваясь сгореть там дотла, ты назвал меня своим единственным другом?

– Потому что это правда.

С минуту мы сидели молча.

– Ты тоже мой единственный друг, Дэвид, – произнес я наконец.

– Куда ты идешь?

– Не знаю. Возможно, вернусь в Лондон. Я сообщу тебе, когда соберусь пересечь Атлантику. Договорились?

– Да, обязательно сообщи. И не думай… никогда не думай, что я не хочу тебя видеть. Никогда больше не оставляй меня.

– Будь я уверен, что приношу тебе пользу, будь я уверен, что для тебя будет лучше, если ты откажешься от службы ордену и отправишься в путешествие…

– Но это действительно так. Мне больше нет места в Таламаске. Я даже не знаю, испытываю ли прежнее доверие к ордену и его целям.

Мне хотелось добавить, что я его очень люблю, что под его крышей я искал и обрел убежище и никогда этого не забуду, что я готов исполнить любое его желание… абсолютно любое…

Но говорить все это было бессмысленно. Не знаю, мог ли он мне поверить, да и чего стоили мои слова. По моему глубокому убеждению, наши встречи не приносили ему пользы. А ему не так уж много осталось в жизни.

– Все это я знаю, – тихо произнес он, одарив меня еще одной улыбкой.

– Дэвид, а этот твой отчет о приключениях в Бразилии… У тебя здесь найдется экземпляр? Можно почитать?

Он встал и подошел к ближайшему от стола книжному шкафу со стеклянными дверцами. Перебрав множество бумаг, он вытащил две большие кожаные папки.

– Здесь вся моя жизнь в Бразилии – это я написал в джунглях на раздолбанной портативной пишущей машинке, сидя за столом в лагере, перед возвращением в Англию. Конечно же, я принял участие в охоте на ягуара. Пришлось. Но охота не идет ни в какое сравнение с тем, что я пережил в Рио. Понимаешь, это был переломный момент. Мне кажется, что сам процесс создания этих записок был отчаянной попыткой снова стать англичанином, отдалиться от людей, общавшихся с духами, от жизни, которую я вел рядом с ними. Мой отчет для Таламаски основывался на этом материале.

Я с благодарностью взял папку.

– А здесь, – продолжал он, передавая мне вторую папку, – краткое описание дней, проведенных в Африке и в Индии.

– Я бы и это с удовольствием почитал.

– По большей части – старые охотничьи истории. Я писал это в молодости. Только и речи, что о стрельбе и оружии. Все это было до войны.

Я забрал и вторую папку. И медленно, как подобает истинному джентльмену, поднялся.

– Я проговорил всю ночь, – сокрушенно произнес вдруг он. – Как неприлично с моей стороны. Возможно, у тебя тоже было что сказать.

– Нет, совсем нет. Все получилось именно так, как я хотел. – Я протянул руку, и он пожал ее. Удивительное ощущение – его прикосновение к моей обгоревшей плоти.

– Лестат, – добавил он, – этот рассказ… рассказ Лавкрафта. Ты заберешь его сейчас или мне пока хранить его у себя?

– А, вот еще довольно забавная история – то, как он у меня оказался.

Я забрал у него рассказ и сунул его в карман. Может быть, я его перечитаю. Вернулось прежнее любопытство, а вместе с ним – опасения и подозрения. Венеция, Гонконг, Майами… Как этот странный смертный умудрился выследить меня во всех трех местах и к тому же догадаться, что я тоже его заметил?

– Хочешь рассказать? – мягко спросил Дэвид.

– Непременно. Когда будет достаточно времени. – «Особенно если встречу его еще раз, – подумал я. – Как же ему это удалось?»

Я ушел как благовоспитанный джентльмен и даже намеренно немного пошумел, закрывая боковую дверь.

Когда я добрался до Лондона, уже близился рассвет. Впервые за много ночей меня искренне радовало собственное могущество, обеспечивавшее сознание полной безопасности. Я не нуждался ни в гробах, ни в темных убежищах – только в комнате, абсолютно изолированной от солнечного света. Любой фешенебельный отель мог предоставить мне необходимый покой и комфорт.

У меня оставалось немного времени, чтобы устроиться под теплым светом лампы и приступить к чтению записок Дэвида о его приключениях в Бразилии, – мечтая об этом, я испытывал ни с чем не сравнимый восторг.

По причине свойственной мне беспечности и помрачения рассудка оказалось, что у меня с собой почти нет денег. А потому пришлось применить незаурядные способности, чтобы убедить клерков почтенного старого «Клэриджа» принять на веру номер моего кредитного счета, ибо у меня не было карточки, чтобы его подтвердить. Я подписался именем Себастьян Мельмот – одним из любимых своих псевдонимов – и был препровожден в очаровательные апартаменты с прелестной мебелью эпохи королевы Анны, а также со всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами.

Повесив на дверь маленькую табличку с вежливой просьбой не беспокоить, я оставил распоряжение портье не тревожить меня до наступления темноты и заперся в номере.

Времени для чтения практически не оставалось. Скрываясь за тяжелыми серыми тучами и медленно падавшими крупными мягкими снежинками, надвигалось утро. Я задернул все шторы, кроме одной, чтобы иметь возможность видеть небо, и встал возле окна, ожидая буйства света при восходе солнца и все еще опасаясь его гнева. От этого страха у меня еще сильнее заныла кожа.

Я много думал о Дэвиде. С момента нашего расставания я ни на секунду не забывал о состоявшейся беседе. Я все еще слышал его голос и пытался мысленно воссоздать фрагменты посетившего его в кафе видения – представить себе Бога и дьявола. Но мой взгляд на проблему был прост и предсказуем. Я считал, что Дэвид пребывает во власти утешительных заблуждений. А скоро он уйдет от меня. Его заберет смерть. И останутся мне только рукописи, повествующие о его жизни. Я не мог заставить себя поверить, что в смерти он познает хоть что-нибудь новое.

Тем не менее все казалось мне удивительным – и сама тема нашего разговора, и восторженность Дэвида, и его странные слова.

Таким раздумьям я и предавался, наблюдая за свинцовым небом и снегом, падавшим на видневшиеся далеко внизу тротуары… И вдруг меня охватил приступ головокружения – я полностью утратил ориентацию, как будто внезапно заснул. Это ощущение едва заметной вибрации оказалось довольно-таки приятным, оно сопровождалось невесомостью, словно я действительно переносился из материального мира в царство снов. Потом появилось то же давление, которое я мимолетно испытал в Майами, – мои ноги и руки напряглись, все тело внутри сжималось, и внезапно мне почудилось, будто меня вытесняют из него прямо через голову!

Отчего это происходит? Я вздрогнул, как и тогда, на пустынном темном пляже во Флориде. Ощущение мгновенно рассеялось. Я пришел в себя, испытывая легкое раздражение.

Неужели с моим прекрасным, божественным телом происходит что-то нехорошее? Быть того не может! Для подтверждения этой истины не требовались уверения старейших. Я так и не решил, стоит ли беспокоиться по этому поводу, или лучше выбросить все из головы, или имеет

смысл попытаться самостоятельно вызывать это ощущение… Мои размышления прервал стук в дверь.

Ужасно раздражает.

– Вам письмо, сэр. Какой-то джентльмен попросил передать его вам лично в руки.

Должно быть, какая-то ошибка. Тем не менее я открыл дверь.

Совсем еще юный парнишка протянул мне конверт. Большой и пухлый. На какое-то мгновение я просто застыл на месте, не в силах отвести взгляд от конверта. В кармане у меня завалялась бумажка в один фунт – память о воришке, которого я прикончил; я отдал ее мальчику и снова запер дверь.

Точно такой же конверт мне передал в Майами тот безумный смертный, который подбежал ко мне на пляже. И это ощущение! Те же необычные чувства я испытывал как раз в тот самый момент, когда увидел странную личность. Да, но это решительно невозможно…

Трясущимися неизвестно отчего руками я разорвал конверт. В нем лежал еще один рассказ, тоже вырезанный из книги и так же скрепленный в левом верхнем углу!

Я остолбенел. Черт возьми, как он меня выследил? Никто не знает, что я здесь! Даже Дэвид! О да, здесь известен номер моей кредитной карточки. Но любому смертному понадобился бы не один час, чтобы найти меня таким способом, даже если допустить, что это вообще возможно. А я был уверен как раз в обратном.

И при чем здесь эти странные ощущения – вибрация, давление, которое, кажется, исходит откуда-то изнутри?

Времени на раздумья уже не оставалось – близилось утро.

Я моментально понял, насколько опасна для меня сложившаяся ситуация. Черт побери, как же я раньше этого не увидел? Странное существо определенно располагает возможностью каким-то образом узнавать, где я нахожусь и даже где собираюсь скрываться от дневного света! Пора выметаться из этих комнат. Нет, это просто возмутительно!

Дрожа от ярости, я заставил себя просмотреть рассказ, занимавший всего несколько страниц. Он назывался «Глаза мумии», автор – Роберт Блох. Весьма занятно, но какое отношение все это может иметь ко мне? Я вспомнил рассказ Лавкрафта: он был намного длиннее и на первый взгляд речь в нем шла совсем о другом. Что все это значит? Этот очевидный идиотизм буквально выводил меня из себя.

Но думать об этом было слишком поздно. Собрав рукописи Дэвида, я выскочил из комнаты и через пожарный выход поднялся на крышу. Я исследовал ночную тьму во всех направлениях, но так и не смог найти мерзавца. Что ж, ему повезло. Попадись он мне в тот момент на глаза, ему бы несдобровать. Когда дело доходит до защиты дневного убежища, я не отличаюсь терпеливостью и не признаю никаких сдерживающих факторов.

Я поднялся в воздух и, набрав самую высокую скорость, на какую только был способен, помчался прочь, преодолевая милю за милей. Наконец я опустился в заснеженном лесу намного севернее Лондона и, как много раз в прошлом, выкопал себе могилу в замерзшей земле.

Необходимость заниматься этим привела меня в неописуемое бешенство. «Я убью сукиного сына, – думал я, – кто бы он ни был. Как смеет он преследовать меня и швырять мне в лицо свои рассказы! Да, я непременно так и сделаю – убью его, как только поймаю».

Но вскоре меня охватила вялость, затем сонное оцепенение, и все вокруг утратило какое-либо значение.

Мне опять снился сон… Она зажигала масляную лампу, и я услышал ее голос:

– Ах, огонь тебя больше не пугает…

– Ты надо мной издеваешься, – несчастным голосом произнес я. И заплакал.

– Но, Лестат, ты же действительно с легкостью находишь способ быстро прийти в себя после поистине космических приступов отчаяния. Нет, правда! Вспомни, разве не ты танцевал под фонарем в Лондоне?

Я хотел возразить, но рыдания не позволяли мне вымолвить хоть слово.

В последнем проблеске сознания перед глазами возникли арки собора Сан-Марко в Венеции, где я впервые приметил того смертного, и вновь я увидел его карие глаза и гладкий молодой рот…

«Что вам нужно?» – спросил я.

«О нет, это нужно вам», – казалось, ответил он.

Глава 6

Проснувшись, я уже не так злился на маленького дьявола. На самом деле я был ужасно заинтригован. Но ведь солнце село, и теперь преимущество на моей стороне.

Я решился на небольшой эксперимент. И отправился в Париж, совершив перелет очень быстро и в полном одиночестве.

Позвольте мне немного отклониться от темы и сообщить, что в последние годы я решительно избегал Парижа и, таким образом, не имел ни малейшего представления о том, каким стал этот город в двадцатом веке. Думаю, причины в данном случае очевидны. Слишком много страданий выпало здесь на мою долю в прошлом, и к тому же я не желал видеть современные здания вокруг кладбища Пер-Лашез или залитые электрическим светом карусели в садах Тюильри. Но втайне я всегда, естественно, мечтал вернуться в Париж. А разве могло быть иначе?

Этот небольшой эксперимент придал мне мужества и послужил отличным предлогом. Благодаря ему утихла неизбежная боль воспоминаний, ибо у меня появилась цель. Но уже через несколько секунд после прибытия я осознал, что действительно оказался в Париже – другого такого места на свете не существовало, – и, охваченный счастьем, прошелся по широким бульварам и, конечно же, мимо того места, где когда-то стоял Театр вампиров.

Несколько театров той эпохи все же дожили до современности – импозантные, богато украшенные, они стояли в окружении более современных зданий и по-прежнему пользовались популярностью у публики.

Бродя по ярко освещенным Елисейским Полям, запруженным легковыми автомобилями и тысячами пешеходов, я осознал, что в отличие от Венеции это не город-музей. Париж – живой город и всегда оставался таковым на протяжении последних двух столетий. Столица. Город, не чуждый нововведений и радикальных перемен.

Я подивился яркому великолепию центра Жоржа Помпиду, так смело поднявшегося по соседству со старинными воздушными контрфорсами собора Нотр-Дам. О, как я радовался своему возвращению!

Но ведь у меня было дело.

Ни одной душе, ни смертной, ни бессмертной, я не говорил, где я. Я не позвонил даже своему парижскому поверенному, хотя это доставило мне массу неудобств. Однако я предпочел воспользоваться старым, испытанным способом и в темных переулках раздобыл немалую сумму денег у своих жертв – пары крайне непривлекательных, но не стесненных в средствах преступников.

Потом я направился к заснеженной Вандомской площади, где все еще стояли дворцы моей юности, и под именем барона фон Киндергартена уютно устроился в шикарных апартаментах отеля «Риц».

Там в течение двух ночей я наслаждался роскошью, достойной Версаля времен Марии-Антуанетты, и не выходил в город. При виде такого изобилия парижских виньеток, великолепных стульев в стиле Людовика Шестнадцатого и очаровательных рельефных панелей на стенах у меня просто слезы выступали на глазах. Ах, Париж! Где еще может столь великолепно смотреться обыкновенное позолоченное дерево?

Развалившись на покрытом гобеленом ложе времен Директории, я немедленно принялся за рукописи Дэвида, лишь изредка отрываясь от чтения, чтобы пройтись по безмолвной гостиной и спальне или открыть настоящее французское окно с инкрустированной овальной ручкой и выглянуть во внутренний дворик отеля, такой официальный, тихий и горделивый.

Записки Дэвида захватили меня целиком. Вскоре я почувствовал, что он мне близок, как никогда.

Выяснилось, что в юности Дэвид был человеком на удивление деятельным, и из всех книг его привлекали только те, в которых рассказывалось об активных действиях; величайшее удовольствие он находил в охоте. Первую дичь он подстрелил, когда ему было всего десять лет. Его описания охоты на больших бенгальских тигров были проникнуты восторгом преследования и завораживающим ощущением риска, которому он подвергался. Прежде чем спустить курок, он всегда подходил к зверю как можно ближе и не раз оказывался на краю смерти.

Он любил не только Индию, но и Африку, где охотился на слонов, – в те дни никому и не снилось, что эти прекрасные животные окажутся на грани полного уничтожения. Огромные самцы не раз успевали броситься на него в атаку, опережая готовый прозвучать выстрел. Охота на львов в долине Серенгети была не менее рискованным приключением.

Он получал удовольствие, покоряя труднопроходимые горные тропы, плавая по опасным рекам, гладя жесткий хребет крокодила, преодолевая свое врожденное отвращение к змеям. Ему нравилось спать под открытым небом, царапать записи в дневнике при свете фонаря или свечи, питаться только мясом собственноручно убитых животных, даже когда его было очень мало, самостоятельно свежевать добычу.

Дэвиду не слишком удавались описания. Ему не хватало для этого терпения, особенно в молодости. Однако в его воспоминаниях явственно ощущалась тропическая жара, слышалось гудение мошкары. Трудно было представить, что такой человек способен наслаждаться комфортом Тальбот-мэнор или роскошью Обители Таламаски, а он теперь, похоже, к ним пристрастился.

Однако многим британским джентльменам приходилось стоять перед подобным выбором, и они поступали так, как требовали того их положение и возраст.

Что касается приключений в Бразилии, то о них, казалось, рассказывал кто-то совсем другой. Тот же строгий и точный подбор слов, та же жажда опасности… Однако обращение к сверхъестественному сыграло свою роль, и перед читателем представал гораздо более умный и мыслящий человек. Изменился даже его лексикон: в записках встречались трудные португальские и африканские слова, обозначающие концепции и физические чувства, которые Дэвид затруднялся описать по-другому.

Но суть заключалась в том, что после нескольких примитивных и устрашающих столкновений с бразильскими жрицами и духами глубокие телепатические способности мозга Дэвида получили свое развитие. И тело Дэвида превратилось всего лишь в орудие его экстрасенсорной силы, позволив ему тем самым впоследствии стать незаурядным ученым и исследователем.

В бразильских мемуарах содержалось множество бытовых описаний. Речь шла о маленьких деревянных сельских молельнях, где собирались приверженцы кандомбле и зажигали свечи перед гипсовыми статуями католических святых и богов кандомбле. Рассказывалось о барабанном бое и танцах, о непременно случавшихся состояниях транса, когда те или иные участники церемонии, сами того не сознавая, становились носителями духов и на длительные промежутки времени обретали свойства того или иного бога, а после ничего не могли вспомнить.

Но теперь все внимание уделялось невидимому – восприятию внутренней силы и борьбе с силами внешними. Юный искатель приключений, пытавшийся обрести истину в чисто материальных вещах – в запахе зверя, на тропах джунглей, в щелчке курка, в падении жертвы, – бесследно исчез.

Дэвид покидал Рио-де-Жанейро другим человеком. Хотя его повествование впоследствии было сжато, отшлифовано и, несомненно, отредактировано, значительную его часть составляли записи дневника, сделанные по горячим следам события. Вне всякого сомнения, он тогда оказался на грани безумия. Куда бы он ни взглянул, повсюду видел не улицы, не дома и не людей, а лишь духов и богов, он ощущал исходящие от окружающих невидимые силы и внутреннее сопротивление им со стороны людей – как сознательное, так и подсознательное.

Да, если бы он не отправился в джунгли Амазонки, не заставил бы себя вновь стать британским охотником, он мог навеки утратить связь со своим прежним миром.

Долгие месяцы он, загорелый, похудевший, бродил по улицам Рио в одной рубашке и грязных штанах в поисках высшего духовного опыта, отказываясь от любых контактов с соотечественниками, несмотря на все их настойчивые попытки наладить с ним отношения. И в конце концов он вновь надел свое хаки, взял длинные ружья, обзавелся лучшим британским снаряжением и провиантом и отправился в поход за исцелением. Он подстрелил пятнистого ягуара и собственным ножом освежевал и выпотрошил зверя.

Тело и душа!

Меня уже не удивляло, что за все прошедшие годы он ни разу не вернулся в Рио-де-Жанейро. Соверши он это путешествие вновь, и, возможно, он остался бы там навсегда.

Однако жизнь адепта кандомбле едва ли могла его удовлетворить. Герои ищут приключений, но сами по себе приключения не способны поглотить их целиком.

Когда я узнал об этих событиях, моя любовь к нему возросла поистине неизмеримо, и как же мне было грустно сознавать, что вся его жизнь с тех пор была отдана Таламаске. Орден того не стоил, – точнее, он не в силах был сделать Дэвида счастливым, хотя сам Дэвид упорно настаивал на том, что нуждается в нем. Это утверждение представлялось мне величайшей ошибкой.

И конечно, чем лучше я его узнавал, тем больше мне его не хватало. Я вновь вспомнил о своей темной сверхъестественной юности, когда одного за другим создавал себе спутников, которые спутниками мне быть не могли: Габриэль никогда не нуждалась во мне, Николя сошел с ума, Луи так и не смог простить меня за то, что я заманил его в царство бессмертных, хотя он сам этого хотел.

Исключение составляла только Клодия – моя отважная маленькая Клодия, охотница за случайными жертвами, – вампир, совершенный во всех отношениях. Именно пленительная сила Клодии заставила ее в конце концов восстать против своего создателя. Да, только она одна, как теперь говорят, пошла в меня. Может быть, по этой причине и преследует меня ее призрак.

Конечно, между тем, что произошло тогда, и моей нынешней любовью к Дэвиду существует какая-то связь! Только я раньше ее не видел. Как я любил его – и какую пустоту ощущал после предательства Клодии и расставания с ней.

Эти рукописи позволили мне ясно понять и кое-что еще: Дэвид был именно тем человеком, который способен отказаться от Темного Дара.

Он действительно не ведал страха. Смерть ему не нравилась, но он ее не боялся. Никогда не боялся.

Однако я прибыл в Париж не только для того, чтобы прочесть его мемуары. Передо мной стояла другая цель. Я отказался от благословенного и безвременного уединения в отеле и начал бродить по городу – никуда не торопясь и ни от кого не скрываясь.

На Рю-Мадлен я купил себе великолепную одежду, включая темно-синее двубортное кашемировое пальто. Затем отправился на левый берег Сены, где провел несколько часов в нарядных и приветливых кафе, вспоминая рассказ Дэвида о Боге и дьяволе и гадая, что же, черт возьми, он видел на самом деле. Конечно, Париж вполне подходящее место для Бога и дьявола, но…

Некоторое время я провел в метро, внимательно разглядывая его пассажиров и пытаясь определить, чем же все-таки парижане отличаются от всех остальных людей в мире. Настороженностью? Энергичностью? Или тем, что они избегают встречаться взглядом с окружающими? Я никак не мог определить. Но они в корне отличались от американцев – доказательства этого я видел повсюду, – и я пришел к выводу, что понимаю их. И что они мне нравятся.

Тот факт, что Париж превратился в необыкновенно богатый город, где дорогие шубы, драгоценности и бесчисленные бутики встречались на каждом шагу, привел меня в изумление. Он выглядел богаче даже американских городов. В мое время он, наверное, тоже казался

богатым: застекленные дверцы экипажей, дамы и господа в напудренных париках… Но бедняков можно было встретить повсюду, некоторые из них даже умирали прямо на улице… А теперь я видел вокруг себя только богатство и роскошь, и бывали моменты, когда разум мой отказывался верить в реальность существования этого города с его миллионами автомобилей и неисчислимым количеством каменных домов, отелей и шикарных особняков.

Конечно, я охотился. Я пил кровь.

На следующую ночь, едва опустились сумерки, я стоял на верхнем этаже центра Помпиду под таким же фиолетовым, как и в моем любимом Новом Орлеане, небом и наблюдал, как загораются огни большого города. Вдалеке я видел остроконечную Эйфелеву башню, пронзающую пространство над божественным мраком.

Ах, Париж, я знал, что непременно вернусь сюда, да, и очень скоро. Как-нибудь ночью я устрою себе убежище на Иль-Сен-Луи, который всегда любил. Пусть большие дома на авеню Фош идут к черту. Я найду дом, где когда-то мы с Габриэль совершили Обряд Тьмы, где мать вдохновила сына сделать ее своей дочерью, и смертная жизнь выпустила ее из своих рук, словно я схватил ее за запястье.

Я привезу с собой Луи – ведь он так любил этот город, пока не потерял Клодию. И теперь ему необходим стимул, чтобы снова полюбить Париж.

А пока я заглянул в Кафе де ла Пэ в большом отеле, где в тот трагический год правления Наполеона Третьего останавливались Луи и Клодия. Я долго сидел в одиночестве за нетронутым бокалом вина, вспоминая обо всем, что произошло, и заставляя себя относиться к этому спокойно: что сделано, то сделано и прошлого не вернуть.

Да, испытание в пустыне явно прибавило мне сил. И я был готов к любым неожиданностям…

…И наконец, незадолго до рассвета, когда меня охватила легкая меланхолия и грусть по разрушающимся зданиям конца восемнадцатого века, когда над полузамерзшей рекой навис туман, а я стоял, опершись о высокий каменный парапет почти у самого моста, ведущего на Иль-де-ля-Сите, я увидел того, кого ждал.

Сначала пришло уже знакомое ощущение, на этот раз я узнал его сразу и постарался изучить более внимательно: легкая потеря ориентации, при которой я, однако, полностью сохранял контроль над собой; мягкая восхитительная вибрация; наконец, жесточайшее напряжение во всем теле, до самых кончиков пальцев. Все повторилось. Да, как будто мое тело, сохраняя пропорции, уменьшалось в размерах и меня вытесняли из этой сократившейся оболочки! И в тот самый момент, когда, казалось, оставаться внутри ее практически невозможно, черт побери, в голове прояснилось и ощущение исчезло.

В точности то же самое происходило со мной уже дважды. Я остался стоять возле моста, воскрешая в памяти и обдумывая детали.

Потом я увидел, как на противоположном берегу реки резко затормозил видавший виды автомобиль, и из него все так же неуклюже выбрался молодой человек с коричневыми волосами. Он выпрямился в полный рост и настороженно уставился на меня блестящими от возбуждения глазами.

Мотор он оставил включенным. Я снова, как и тогда, почувствовал исходящий от него запах страха. Конечно, он знал, что я его видел, здесь ошибки быть не могло. Думаю, ему было известно и то, что я проторчал тут добрых два часа в ожидании этой встречи.

Наконец он набрался мужества и пересек мост; из тумана передо мной возникла впечатляющая фигура в длиннополом пальто, с намотанным вокруг шеи белым шарфом. Он наполовину шел, наполовину бежал, но в нескольких шагах от меня остановился, а я стоял, облокотившись о парапет, и холодно смотрел на него. Он бросил мне еще один конвертик. И тут я схватил его за руку.

– Не спешите, месье де Лионкур! – отчаянно прошептал он. Британский акцент, свидетельствующий о принадлежности к высшим слоям общества, почти как у Дэвида, французское произношение можно назвать едва ли не идеальным. Он умирал от страха.

– Черт побери, кто вы такой? – спросил я.

– У меня к вам предложение! С вашей стороны глупо будет его не выслушать. Речь пойдет о том, в чем вы очень нуждаетесь. И будьте уверены, никто во всем мире, кроме меня, вам этого не даст!

Я выпустил его, и он отпрянул, едва не свалившись на спину, но в последний момент успел ухватиться рукой за каменный парапет. Что за странные движения! Человек крепкого сложения, он двигался как тощее и не уверенное в себе создание. Я никак не мог понять, в чем же дело.

– Немедленно объясните, в чем состоит ваше предложение! – потребовал я и услышал, как его сердце замерло в широкой груди.

– Нет, не сейчас, – ответил он. – Но очень скоро мы поговорим.

Какой интеллигентный, хорошо поставленный голос! Слишком утонченная и правильная речь для обладателя этих больших блестящих карих глаз и гладкого, пышущего здоровьем, молодого лица. Может быть, это тепличное растение, выросшее среди пожилых людей и никогда не встречавшееся со своими ровесниками?

– Не спешите! – прокричал он снова и помчался прочь, время от времени спотыкаясь и с трудом восстанавливая равновесие.

Наконец он запихнул свое длинное неуклюжее тело в маленький автомобиль и понесся по обледенелому снегу.

Он ехал так быстро, что, когда машина свернула на Сен-Жермен, я решил, что он непременно угодит в аварию и погибнет.

Я взглянул на конверт. Ну конечно, очередной чертов рассказ.

Я сердито вскрыл пакет, сомневаясь, следовало ли отпускать этого парня, и в то же время непонятно почему наслаждаясь нашей игрой; мне доставляло удовольствие даже собственное негодование, вызванное его сообразительностью и способностью выслеживать меня.

На этот раз он принес мне видеокассету с одним из последних фильмов. Он назывался «Наоборот». Какого черта… Я перевернул кассету и просмотрел аннотацию. Комедия!

В отеле меня ждала еще одна посылка. И вновь – видеокассета. «Весь я». Текст на обороте пластиковой коробки давал представление о содержании фильма.

Я поднялся к себе. В номере не было видеоплеера! Даже в «Рице»! Несмотря на то что время еще только близилось к рассвету, я позвонил Дэвиду.

– Ты не мог бы приехать в Париж? Я все устрою. Увидимся за обедом завтра, в восемь вечера, в ресторане на первом этаже.

Потом я все-таки позвонил своему смертному агенту, поднял его с постели и дал указания заказать Дэвиду билет, лимузин, апартаменты и все, что ему может понадобиться. Пусть Дэвида обеспечат наличными; в номере должны быть цветы и охлажденное шампанское. Покончив со всем этим, я отправился искать подходящее для сна место.

Но час спустя, стоя в темном сыром подвале старого заброшенного дома, я вдруг подумал, а не может ли смертный дьявол даже сейчас увидеть меня. Что, если он узнает, где я сплю в течение дня, придет и впустит сюда солнечный свет – как дешевый охотник за вампирами в плохом фильме, не испытывающий ни тени уважения к загадочным явлениям природы?

Я зарылся глубоко в землю. Ни один смертный меня здесь не найдет. А если и найдет, то даже во сне я могу непроизвольно задушить его.

– Как ты думаешь, что все это значит? – спросил я Дэвида.

Изысканно отделанный зал ресторана был наполовину пуст. Горели свечи. В черном смокинге и накрахмаленной рубашке я сидел, сложив перед собой руки, и наслаждался сознанием того, что теперь мне достаточно прятать глаза всего лишь за бледно-фиолетовыми стеклами очков. Благодаря этому я мог отчетливо видеть рисунок расшитых вручную портьер и сумрачный сад за окном.

Дэвид с удовольствием ужинал. Он был в полном восторге от того, что приехал в Париж, от своего номера с окнами на Вандомскую площадь, с бархатными коврами и позолоченной мебелью, и он провел весь день в Лувре.

– Ты ведь улавливаешь связь? – вместо ответа спросил он.

– Не уверен. Я действительно вижу общие элементы, но сюжеты совсем разные.

– Разве?

– Смотри: у Лавкрафта Асенат, та дьявольская женщина, меняется телами со своим мужем. Она бегает по городу в мужском обличье, а тот, униженный и смущенный, заперт дома в ее телесной оболочке. Умора, да и только! На редкость хитроумно. Причем Асенат, естественно, не Асенат, насколько я помню, а ее отец, обменявшийся телами с ней. А дальше всё в духе Лавкрафта – какие-то отвратительные не то полудемоны, не то полулюди и так далее и тому подобное…

– Это, может быть, не имеет отношения к делу. А египетский рассказ?

– Совершенно другое. Гниющий труп, в котором еще теплится жизнь, и все такое…

– Да, но сюжет?

– Итак, душе мумии удается завладеть телом археолога, а он, бедняга, остается в разлагающемся теле мумии…

– Ну?

– Господи, я вижу, к чему ты клонишь. И фильм «Наоборот»… Он о душах мальчика и мужчины, обменявшихся телами! И пока они не возвращаются в собственные оболочки, происходят сплошные неприятности. А тот фильм, «Весь я», он тоже об обмене телами. Ты совершенно прав. Во всех четырех рассказах речь идет об одном и том же.

– Вот именно.

– Боже мой, Дэвид. Все проясняется. Не знаю, как я сам не додумался. Но…

– Этот человек пытается заставить тебя поверить, что ему кое-что известно об обмене телами. Он стремится соблазнить тебя предположением, что это реально.

– Господи! Конечно! Так вот чем объясняется его странная манера передвигаться!

– Ты о чем?

Я сидел потрясенный и пытался во всех деталях восстановить в памяти образ паршивца. Да, даже в Венеции было заметно, как неловко он держится.

– Дэвид, он это умеет!

– Лестат, не делай столь поспешных и абсурдных выводов! Возможно, он только полагает, что умеет. Возможно, он хочет попытаться. Возможно, он всецело находится во власти иллюзий…

– Нет. Это и есть его предложение, Дэвид, предложение, которое, по его словам, мне понравится. Он умеет меняться телами!

– Лестат, ты не можешь верить…

– Дэвид, теперь я понял, что именно в нем не так! Я пытаюсь разгадать эту загадку с того момента, как увидел его в Майами. Он не в своем теле! Вот почему он так неумело пользуется имеющимися у него физическими возможностями! Вот почему он едва не падает на бегу! Он не в состоянии управлять своими длинными сильными ногами. Господи, этот человек в чужом теле! И голос, Дэвид, я же рассказывал тебе про голос! Он разговаривает не как молодой человек. Ох, это все объясняет. И знаешь, что я думаю? Он выбрал именно это тело, потому что я

обратил на него внимание. Скажу больше: он уже и со мной пытался проделать фокус с обменом, но безуспешно…

Я не мог продолжать. Такая возможность потрясла меня до глубины души.

– Что значит – пытался?

Я описал странные ощущения: вибрацию, сжатие, чувство, будто меня физически вытесняют из собственной телесной оболочки.

Он не ответил, но я видел, какое впечатление произвели на него мои слова. Он прищурился и словно застыл, положив полусжатый кулак правой руки на стол.

– Пойми, он нанес мне оскорбление! Пытался выгнать меня из моего собственного тела! Быть может, для того, чтобы завладеть им самому. Конечно, у него ничего не вышло. Но почему он пошел на такой риск, почему не побоялся нанести мне смертельную обиду?

– Ты смертельно обиделся? – спросил Дэвид.

– Нет, мне просто стало еще любопытнее, вот и все. Он пробудил во мне безумное любопытство!

– Вот и ответ. Думаю, он слишком хорошо тебя знает.

– Что? – Я прекрасно расслышал его слова, но не в силах был сразу ответить. Мне вновь вспомнились пережитые ощущения. – Это было такое сильное чувство. Ну как же ты не понимаешь, что именно он делал? Он пытался продемонстрировать свое умение меняться телами! Он предлагал мне эту молодую и красивую телесную оболочку!

– Да, – холодно ответил Дэвид. – Думаю, ты прав.

– Иначе зачем ему торчать в том теле? Ему явно в нем очень неудобно. Он хочет поменяться. Он утверждает, что сумеет это сделать. Поэтому и рискует. Ведь он не может не знать, что я запросто могу убить его, раздавить, как букашку. Он мне даже не нравится – я имею в виду его манеры. Но тело отличное. Нет, это правда. Он умеет, Дэвид, он знает, как это делается.

– Прекрати. Ты не сможешь это проверить.

– Что? Почему? Ты хочешь сказать, что ничего не получится? Во всех ваших архивах нет записей о… Дэвид, я знаю, что он это умеет. Ему просто не удается меня заставить. Но он поменялся с другим смертным, это точно.

– Лестат, такие случаи мы называем одержимостью. Это одно из случайных проявлений экстрасенсорики. Душа мертвого человека проникает в живое тело – дух вселяется в человека, и необходимо убедить его уйти. Живые люди не совершают ничего подобного по доброй воле и обоюдному согласию. Нет, уверен, это невозможно. Насколько мне известно, мы не наблюдали подобных случаев! Я… – Дэвид замолчал, и я понял, что его одолевают сомнения.

– Ты знаешь, что такие случаи были. Не можешь не знать.

– Лестат, это очень опасно, слишком опасно, чтобы пробовать.

– Послушай, если это может произойти случайно, то это может произойти и иным образом. Если это удается мертвым душам, то почему не удается живым? Я знаю, что значит покидать свое тело. И ты знаешь. Ты научился этому в Бразилии и очень подробно все описал. Об этом известно и множеству других смертных. Это же часть древних религий! Теоретически можно вернуться в другое тело и оставаться в нем, в то время как другая душа тщетно пытается его вернуть.

– Что за жуткая мысль!

Я еще раз описал свои ощущения и их необычайную силу.

– Дэвид, вполне возможно, что он похитил то тело.

– Ах, как это мило!

Я снова вспомнил, как судорожно сокращались мои мышцы, – ужасающее и в то же время удивительно приятное ощущение, что меня выжимают через голову. Оно было таким сильным! Ведь если ему удалось заставить меня пережить подобное, то, безусловно, он мог изгнать

смертного человека из его телесной оболочки, особенно если этот смертный понятия не имел, что с ним происходит.

– Успокойся, Лестат! – В голосе Дэвида слышалось отвращение. Он положил на полупустую тарелку тяжелую вилку. – Обдумай все как следует. Допускаю, что можно осуществить подобный обмен, но лишь на несколько минут. Однако зацепиться за новое тело, остаться внутри и существовать в нем изо дня в день? Нет. Это значит, что тело должно нормально функционировать не только во время бодрствования, но и во время сна. Ты говоришь о чем-то совершенно невероятном и к тому же крайне опасном. С этим нельзя экспериментировать. А что, если опыт окажется удачным?

– Вот в этом-то все и дело! Если опыт удастся, я смогу проникнуть в это тело. – Я помолчал, не решаясь озвучить свои тайные мысли, но в конце концов продолжил: – Дэвид, я смогу стать смертным человеком.

Я затаил дыхание. Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга. Выражение смутного ужаса в его глазах ничуть не уменьшило моего возбуждения.

– Уж я бы знал, как пользоваться этим телом, – полушепотом произнес я. – Сумел бы найти применение и этим мускулам, и длинным ногам. Уверен, он выбрал это тело, потому что знал: оно покажется мне вполне приемлемым, я восприму его как реальную возможность…

– Лестат, перестань! Здесь речь идет о торговле, об обмене! Нельзя давать этой подозрительной личности свое тело! Чудовищная мысль. Хватит в твоем теле и тебя!

Я буквально онемел от потрясения.

– Послушай, – сказал он, пытаясь вернуть меня к реальности, – прости, если я говорю как Верховный глава религиозного ордена, но есть вещи совершенно недопустимые. Прежде всего, откуда он взял это тело? Что, если он действительно его похитил? Сомневаюсь, что такой красивый молодой человек отдал его с радостью и без колебаний! Следовательно, мы имеем дело с порочным существом и относиться к нему должны соответственно. Нельзя доверять ему такую могущественную оболочку, как твоя.

Я слышал его слова, я понимал их смысл, но не мог осознать до конца.

– Только подумай, Дэвид… – я говорил бессвязно, как сумасшедший. – Дэвид, я могу стать смертным человеком.

– Будь добр, приди наконец в себя и выслушай! Это не комиксы и не готическая романтика Лавкрафта. – Он вытер губы салфеткой, резко глотнул вина, потом потянулся через стол и взял меня за запястье.

Чтобы сомкнуть пальцы, ему нужно было приподнять мою руку. Но я не поддался, и через секунду он понял, что легче сдвинуть с места гранитную статую, чем заставить меня шевельнуть хоть мизинцем.

– О чем я и говорю! – заявил он. – Это не игрушки. Нельзя рисковать – вдруг это удастся и тот демон, кем бы он ни был, получит в свое распоряжение твою силу!

Я покачал головой:

– Я все понимаю, Дэвид, но ты только подумай! Мне нужно с ним поговорить! Нужно найти его и выяснить, реально это или нет. Сам он меня не волнует. Важен процесс. Это может получиться?

– Лестат, умоляю, оставь эту затею! Ты совершаешь очередную чудовищную ошибку!

– О чем ты?

Я с трудом заставлял себя прислушиваться к тому, что он говорил. Где сейчас этот коварный дьявол? Я вспомнил его глаза – какими они будут красивыми, если смотреть ими будет не он! Да, нельзя не признать: отличное тело для эксперимента! И правда, где он его взял? Нужно разузнать.

– Дэвид, я ухожу.

– Нет, ты не уходишь! Оставайся на месте, или с Божьей помощью я пошлю тебе вслед легион проказливых бесов и всех паршивых духов, с которыми я имел дело в Рио-де-Жанейро! Слушай меня.

– Тише, тише, – успокаивал я его со смехом. – Иначе нас вышвырнут из «Рица».

– Что ж, хорошо, давай заключим сделку. Я возвращаюсь в Лондон, сажусь за компьютер и вытаскиваю из него все файлы, касающиеся обмена телами. Кто знает, что мы обнаружим? Лестат, а что, если он действительно каким-то образом оказался в этом теле, но теперь оно разлагается, а он не может ни выбраться, ни остановить процесс? Ты об этом подумал?

Я покачал головой:

– Оно не разлагается. Я бы уловил запах. С этим телом все в порядке.

– За исключением того, что он, вероятно, украл его у законного владельца, а та бедная душа бродит где-то в его теле, и мы понятия не имеем, как оно выглядит.

– Успокойся, Дэвид, прошу тебя. Поезжай в Лондон, покопайся в файлах, как и собирался. А я отыщу мерзавца и выслушаю все, что он скажет. Не беспокойся! Я ничего не сделаю, не посоветовавшись с тобой. И если я все-таки решу…

– Ты не примешь никакого решения, не посоветовавшись сначала со мной!

– Ладно, согласен.

– Клянешься?

– Клянусь честью кровожадного убийцы!

– Мне нужен номер телефона в Новом Орлеане.

Я пристально посмотрел на него:

– Хорошо. Я никому его не давал. Но тебе можно. – Я продиктовал ему номер телефона моей квартиры во Французском квартале. – Почему ты не записываешь?

– Я запомнил.

– Тогда прощай!

Я поднялся из-за стола, пытаясь, несмотря на возбуждение, двигаться как человек. Двигаться как человек… Подумать только, оказаться в человеческом теле! Увидеть солнце, увидеть его крошечный пламенеющий шар в синем небе!

– Да, Дэвид, чуть не забыл – здесь за все заплачено. Позвони моему человеку. Он все устроит – билеты на самолет и прочее…

– Меня это не волнует, Лестат. Послушай, давай немедленно договоримся, где и когда мы встретимся, чтобы все обсудить. Только посмей исчезнуть, я никогда…

Я с улыбкой смотрел на него сверху вниз. Стоял над ним и улыбался. Видно было, что я его очаровал. Конечно, он так и не смог произнести вслух свою абсурдную угрозу никогда впредь не разговаривать со мной. Уверен, мое обаяние подействовало на него в полной мере.

– Чудовищные ошибки… – Я по-прежнему не мог сдержать улыбку. – Да, иногда я их совершаю.

– И что с тобой сделают остальные? Что на это скажет твой драгоценный Мариус, старейшие вампиры?

– О, они способны тебя несказанно удивить, Дэвид. Быть может, их единственное желание – снова стать людьми. Быть может, все мы этого хотим. Еще один шанс. Я вспомнил Луи в его новоорлеанском доме. О господи, что будет с Луи, когда я ему все расскажу?

Дэвид сердито пробормотал что-то неразборчивое, но лицо его светилось любовью и тревогой.

Я послал ему воздушный поцелуй и удалился.

И часа не прошло, а я понял, что не могу отыскать хитрого демона. Если он и был в Париже, то скрывал свое присутствие так хорошо, что я не улавливал ни единого отблеска. И ни в чьих глазах не смог я увидеть его отражения.

Это не обязательно означало, что его нет в Париже. Телепатия либо бьет в цель, либо промахивается; а Париж – огромный город, в нем кишмя кишат жители всех стран мира.

В конце концов я вернулся в отель и обнаружил, что Дэвид уже уехал, оставив мне все номера для связи – факса, электронной почты и обычного телефона.

«Пожалуйста, свяжись со мной завтра вечером, – просил он в записке. – К этому времени у меня будет для тебя информация».

Я поднялся наверх, чтобы подготовиться к путешествию домой. Я не мог торчать здесь в ожидании встречи с этим сумасшедшим смертным. И Луи – я должен обо всем рассказать Луи. Конечно, он не поверит, что такое возможно, и тут же выскажет свое мнение. Но он поймет, насколько заманчива эта идея. Уверен, он поймет.

Я оглядывал комнату, пытаясь определить, что еще нужно взять с собой, – ах да, рукописи Дэвида… Но не прошло и минуты, как на столике у кровати я увидел самый обычный конверт. Его прислонили к огромной вазе с цветами.

«Графу фон Киндергартену» – твердым мужским почерком было написано на нем.

Едва увидев конверт, я понял, что это послание от него. Текст написан от руки – тот же твердый характер письма, буквы глубоко врезаются в бумагу:

Не спешите. И не слушайте своего глупого приятеля из Таламаски. Увидимся завтра вечером в Новом Орлеане. Не подведите меня. Джексон-сквер. Там мы договоримся о нашем личном эксперименте. Думаю, вы понимаете, что поставлено на карту.

Искренне ваш,

Раглан Джеймс.

– Раглан Джеймс… – я прошептал это имя вслух. – Раглан Джеймс. – Имя мне не нравилось. Как и его обладатель.

Я набрал номер портье.

– Эта система факсовой связи, которую недавно изобрели, – спросил я по-французски, – она у вас есть? Пожалуйста, объясните, как ею пользуются.

Как я и надеялся, точное факсимиле записки можно было отправить по телефону из офиса отеля на лондонский аппарат Дэвида. Теперь Дэвид получит не только информацию, но и образец почерка – может быть, это окажется полезным.

Прихватив с собой рукописи и записку Раглана Джеймса, я спустился вниз, остановился у стойки администрации и подождал, пока текст отправят по факсу, взял записку и отправился в Нотр-Дам, чтобы немного помолиться и таким образом попрощаться с Парижем.

Я обезумел. Совершенно обезумел. Никогда прежде я не чувствовал себя столь безмерно счастливым! Я стоял посреди запертого в поздний час темного собора и вспоминал, как много десятилетий назад впервые переступил его порог. Перед церковными дверями тогда еще не было большой площади – только маленькая Пляс-де-Грев, втиснутая между покосившимися зданиями; не было тогда и современных огромных бульваров, на их месте тянулись широкие грязные улицы, которые казались нам великолепными.

Я вспомнил синее небо и постоянное ощущение голода, настоящего голода – по хлебу и мясу, и чувство опьянения хорошим вином. Я подумал о Николя, моем смертном друге, которого очень любил, – как же холодно было в нашей мансарде! Мы с Ники спорили, совсем как сейчас с Дэвидом! Как давно все это было!

Казалось, мое долгое существование с тех пор было непрекращающимся страшным сном, захватывающим кошмаром с великанами, чудовищами, жуткими отвратительными масками, скрывающими лица тех, кто угрожал мне из вечного мрака. Я дрожал. Я плакал. «Стать человеком, – думал я. – Снова стать человеком!» Возможно, я произнес это вслух.

Меня испугал неожиданный приглушенный смешок. Где-то в темноте прятался ребенок, маленькая девочка.

Я обернулся и был почти уверен, что увидел ее: серая фигурка метнулась по дальнему проходу к боковому алтарю и исчезла. Едва слышные шаги. Но это, конечно, какая-то ошибка. Никакого запаха. Никого нет. Просто иллюзия.

– Клодия! – тем не менее крикнул я.

И ко мне резким эхом вернулся собственный голос. Разумеется, собор пуст.

Я вспомнил слова Дэвида: «Ты совершаешь очередную чудовищную ошибку!»

Да, я уже совершил не одну чудовищную ошибку. К чему отрицать? Множество страшных, ужасных ошибок. Меня окутала атмосфера недавних снов, но не захватила меня целиком, а лишь оставила легкое ощущение ее присутствия. Что-то связанное с масляной лампой и ее смехом…

Я опять подумал о ее казни – вентиляционный колодец с кирпичными стенами, надвигающееся солнце… Какая же она была маленькая! К этой мысли примешивалось воспоминание о боли, пережитой в пустыне Гоби, и я больше не мог этого выносить. Я вдруг обнаружил, что застыл со скрещенными на груди руками, но при этом дрожу с ног до головы, как будто меня ударило током. Но она, конечно, не страдала. Конечно, для такого хрупкого маленького существа все произошло мгновенно. Прах к праху…

Как мучительно думать об этом! Нет, не эти времена мне хотелось вспоминать, как бы долго я ни сидел в Кафе де ла Пэ и каким бы сильным себя ни воображал. Мне хотелось вспомнить тот Париж, который я знал еще до Театра вампиров, когда был живым и невинным.

Я еще постоял в темноте, устремив взгляд на высокие и широкие арки. Как прекрасен этот поистине божественный собор – даже сейчас, когда за стеной ворчат автомобили. Он подобен лесу, созданному из камня.

Я послал ему воздушный поцелуй, совсем как до этого Дэвиду. И отправился в далекий путь – домой.

Глава 7

Новый Орлеан.

Я прибыл сюда ранним вечером, поскольку двигался в противоположном вращению Земли направлении и вернулся назад во времени. Начался сезон сильных ветров с севера, было холодно и морозно, но пока еще не слишком. На небе – ни облачка, только маленькие и очень яркие звезды.

Я немедленно отправился в свою квартирку во Французском квартале, которая, несмотря на весь свой блеск, расположена отнюдь не высоко, на самом верху четырехэтажного здания, выстроенного задолго до Гражданской войны. Из нее открывается очень приятный вид на реку и на два моста-близнеца, а в открытые окна доносится шум из вечно набитого веселыми людьми Кафе дю Монд и оживленных магазинчиков на прилегающих к Джексон-сквер улицах.

Мистер Раглан Джеймс собирался встретиться со мной лишь следующим вечером. И несмотря на снедавшее меня нетерпение, я пришел к выводу, что обстоятельства складываются весьма удачно, ибо хотел немедленно повидаться с Луи.

Но сначала я насладился вполне смертным комфортом – принял горячий душ и облачился в свежий костюм из черного бархата – очень нарядный и одновременно простой, похожий на тот, что я носил в Майами, – и пару черных ботинок. Не обращая внимания на усталость – в Европе в это время я бы уже спал под землей, – я отправился на прогулку по городу, совсем как обыкновенный смертный.

Сам не знаю почему, я специально сделал крюк, чтобы пройти мимо старого дома на Рю-Рояль, где мы жили с Клодией и Луи. На самом деле я поступал так довольно часто, но не позволял себе задумываться об этом, пока не проходил половину пути.

Здесь, в очаровательной квартирке наверху, наша маленькая община просуществовала более пятидесяти лет. Этот фактор непременно следует принимать в расчет всякий раз, когда меня корят за совершенные ошибки, – не важно, упрекаю ли я себя сам или это делает кто-то другой. Признаюсь, я действительно создал Луи и Клодию и сделал это для себя и ради себя. Тем не менее наше сосуществование приносило удивительную радость и удовлетворение, пока Клодия не решила, что за свои деяния я должен поплатиться жизнью.

Комнаты были забиты всевозможными украшениями и предметами роскоши, какие только можно было раздобыть в те времена. Мы держали карету, нескольких лошадей в конюшне по соседству; за домом, в противоположном конце дворика, жили слуги. Но старые кирпичные постройки давно утратили былой блеск, никто ими не занимался, в квартире в последнее время никто не жил, за исключением, возможно, призраков – кто знает? – и магазин на первом этаже сдали в аренду книготорговцу, который не удосуживался даже стереть пыль с книг в витринах и на полках. Изредка он доставал мне необходимую литературу – исследования историка Джеффри Бертона Рассела, посвященные природе зла, или чудесные философские труды Мирчи Элиаде, а также коллекционные издания моих любимых романов.

Старик был у себя, он читал, и я несколько минут наблюдал за ним через стекло. Как отличаются жители Нового Орлеана от остальных представителей американского мира! Для этого седовласого человека прибыли не имели значения.

Я отступил на пару шагов и поднял глаза к чугунным перилам. Я вспомнил о беспокойных снах – масляная лампа, ее голос… Почему Клодия неустанно преследует меня – раньше ведь такого не было?

Закрыв глаза, я вновь услышал, как она обращается ко мне, но слов не понимал. Уже в который раз я принялся размышлять о ее жизни и смерти.

Исчезла навсегда маленькая лачуга, где я впервые увидел ее на руках у Луи. То был зачумленный дом. И войти в него мог только вампир. Никакой вор не посмел бы украсть даже золо-

тую цепочку с шеи ее матери. Как стыдился Луи, что выбрал в качестве жертвы крохотную девочку! Но я его понял. Не осталось и следа от старой больницы, куда ее впоследствии поместили. По какой узкой улице нес я этот теплый смертный сверток, когда Луи бежал за мной, умоляя сказать, что я собираюсь делать?

Я вздрогнул от неожиданно резкого порыва ветра.

Примерно в квартале от меня, в барах на Рю-Бурбон, хрипло звучала музыка. Перед собором прогуливались люди. Поблизости смеялась женщина. Темноту пронзил звук автомобильного рожка. Раздался едва слышный звонок современного телефона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.